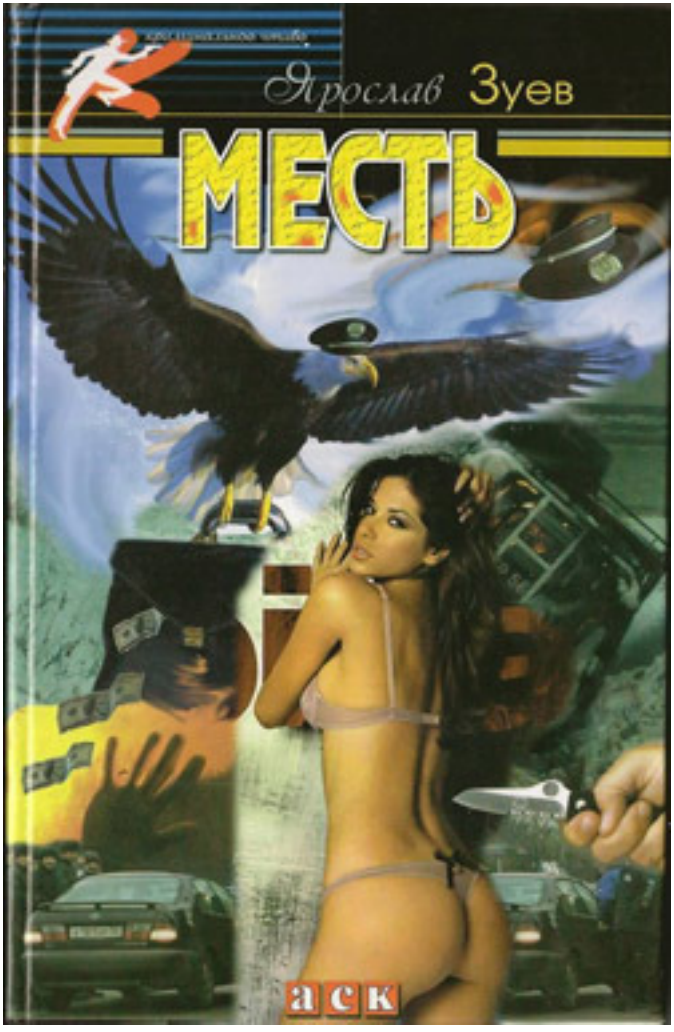
Ярослав Зуев
МЕСТЬ
АСК

Ярослав Викторович Зуев

Месть. Все включено

Серия «Триста лет спустя», книга 5

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161997
Месть. Все включено: К.:А.С.К.; 2008
ISBN 978-966-539-525-6

Аннотация

Очередной эпизод замечательной бандитской саги о трех рэкетирах. Приключения Атасова, Протасова, Армейца и Бандуры продолжаются. После крупного разговора с всесильным олигархом Артемом Поришайло Андрей вынужден отправиться в Крым, где его ждет чрезвычайно опасное и трудновыполнимое задание. Шансы выжить невелики, миссия заранее обречена на провал, поскольку она не секрет для противника. В Крыму Андрея уже ждут с «распростертыми объятиями».

Когда он попадает в беду, на выручку отправляются верные друзья, Атасов, Протасов и Армеец. Погони и кровавые разборки, интриги и загадки. Роман заинтересует не только поклонников этого цикла, но и тех, кто встретится с героями Ярослава Зуева впервые.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	52
Глава 3	84
Глава 4	106
Глава 5	146
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Ярослав Зуев
Месть. Все включено

Моему брату Вячеславу за Протасова,
прототипом которого ты послужил,
за твое плечо друга,
и на нашей пилораме, и сейчас

Глава 1
МЫШЕЛОВКА ВХХ-М ВЕКЕ
или
ЗАПАДНЯ В УСТЬЕ ДЕСНЫ

Ранний вечер пятницы, 11 марта 1994-го года

Когда около половины шестого Протасов и Бандура ввалились в квартиру Армейца на Троещине, видок у них был тот еще. Оба промокли до нитки, перепачкались в грязи, а продрогли так, что зуб на зуб не попадал.

– Ни-ничего себе, – отворивший дверь Армеец отшатнулся в глубину прихожей.

– На улице, типа, дождь? – осведомился из кухни Атасов.

– Не гони, блин. Очень, в натуре, смешно. – Протасов про-

шел в гостиную. – Слышь, Эдик, нам бы шмотки поменять.

Эдик неодобрительно посмотрел на лужу, оставленную Протасовым на ковре, перевел взгляд на лицо Валерия, после чего желание сделать замечание у него, очевидно, пропало.

– С-сейчас.

Атасов молча поставил чайник на электроплиту.

– А где Планшетов, зема? – поинтересовался Вовчик, растирая скулу, давно не встречавшуюся с бритвенным станком.

– Шибздец Планшетову, – лязгая зубами, сообщил Протасов. – Пропал.

– Что значит, пропал?

– Утоп, блин. Пошел на корм рыбам.

– Каким р-рыбам?! – Эдик чуть не выронил сухие вещи, которые держал на изгибе локтя.

– Натуральным, придурок. Из реки.

– Утоп? – недоверчиво повторил Волына.

– Ты чего, в натуре глухой?! – рявкнул Протасов, потеряв терпение. – Утоп, значит, утоп. Буль-буль, и готово. Усек?!

– А то, – пролепетал Волына, бледнея. – По-любому усек, зема.

Армеец только открыл рот, когда в гостиную, будто смерч ворвался Гримо, принявшись скакать, как горох на сковородке. Целиком в своем духе.

– Хотя бы собака нашлась, – еле слышно сказал Бандура, механически поглаживая массивную голову пса. Атасов с

тревогой покосился на приятеля. Андрей казался раздавленным. Он находился в квартире, и, в то же время отсутствовал. Можно было не сомневаться, приятели угодили в беду.

– Кристину не нашли? – тем не менее, спросил Атасов. Хотя, мог и не спрашивать. То, что операция провалилась, было понятно без слов. Бандура окончательно сник. Валерий только покачал головой.

– Протасов, что случилось?

– Ты не поверишь, – выдохнул Протасов. – Полная жопа. Конкретная, в натуре. Жопа, чтоб ты понял, с ручками.

* * *

Вначале ничто не предвещало беды. «Рейндж Ровер» благополучно миновал КПП на выезде из города. Не успел Бандура как следует разогнать машину, благо, автострада позволяла, и мотор тоже, как они уже пересекли городскую черту Вышгорода. Слева, на высоком холме, виднелись руины старинной колокольни, вглядывавшейся пустыми глазницами выбитых окон в просторы атеистской страны. Говорят, в ней некогда похоронили княгиню Ольгу, ту самую, что жестоко расправилась с древлянами. Над куполом без креста проскальзывали низкие, рваные облака. Они обещали дождь или снег. Порывистый ветер раскачивал на ходу массивный джип, свидетельствуя о приближении к морю.

– И где оно? – спросил Андрей, пытаясь обуздать разгу-

лявшиеся нервы. Его снедало нетерпение.

– Сейчас появится, чувак, – заверил Планшетов. – Не расслабляйтесь, пацаны. Там, за плотиной, еще один КП. Ох, и козлы там работают! Киевские гаишники отдыхают.

– Открыл ты, блин, Америку, – опустив стекло, Протасов смачно сплюнул. Планшетов на заднем сидении зажмурился, но, был спасен порывом ветра. Прямо по курсу, на невысоком постаменте Андрей разглядел массивную каменную чайку, величиной с птеродактиля, если не больше.

– Что за зверь? – спросил он, просто для того, чтобы не молчать. Протасов осклабился:

– Ты, Бандура, неумный. Ни хрена не рубишь в пернатых?

– Я серьезно.

– Блин, птица как птица. Что тебе не нравится?

Дорога вскарабкалась на дамбу, подпиравшую массивные железобетонные конструкции гидроэлектростанции. Издали плотина напоминала губную гармошку, которую положили поперек ручейка. Пенная вода у шлюзов отливала йодом. Бандура вращал головой, разглядывая то далекие холмы правобережья в панораме заднего стекла, то искусственное море слева, ощетинившееся вполне морскими волнами. Многотонные громадины мостовых кранов стояли неподвижно, как египетские сфинксы. В шлюзе как раз находился теплоход. Правда, вода только начала поступать в глубокий каменный колодец, так что был виден лишь фрагмент обтекаемой крыши. Вода у дальней стенки, поступая в резер-

вуар, шипела и пенилась. Замшелые стены выглядели угрюмо и неприветливо.

– «Восход», – сказал Планшетов. – Прогулочное корыто на подводных крыльях. Сейчас петлю по морю завернет, и сразу обратно.

– Сейчас никто никуда не плавает. – Протасов вздохнул, вспомнив «Метеор»,[1] едва не утопивший его и Ольгу чудесной летней ночью под Украинкой. – Раньше реально часто ходили. Вниз, вверх, куда хочешь. Я к бате в Припять плавал. Сидишь, короче, как в самолете, музыку слушаешь…

– А сейчас?

– А куда сейчас плавать? – Протасов насупился. – Порт закрыт. Навечно.

Разглядев на горизонте парочку густо поросших лесом островов, Андрей обернулся к Планшетову.

– Красивые места… – тревога постепенно усиливалась. Она наполняла его, как если бы он был пустым сосудом. *«Это хорошо, что со мной Протасов и Юрик. Хотя, одиночество и компания, – состояния совместимые, если вдуматься, не правда ли?».*

– Были, – рассказывал между тем Планшетов, – до взрыва. Рыбалка, шашлычок, все дела. В лесах лосей полно. Море мелкое, песок золотой. Рыбы, чувак, завалом…

---

[1] В обоих случаях приятели вспомнили пассажирские суда на подводных крыльях («Ракета», «Метеор», «Комета» и пр.), создававшиеся на судостроительном заводе «Красное Сормово» с 1957 по проектам ЦКБ, которое возглавлял выдающийся конструктор Р.Алексеев. – Здесь и далее примеч. автора

– А сейчас что, рыба перевелась?

– Рыбы, брат, стало вообще выше крыши, – включился в разговор Протасов. – Только, кто ее теперь знает, где она плавала. Кусок топлива из реактора сожрешь, вместе с ухой. И тю-тю. Суши весла.

– Далеко отсюда до Чернобыля?

– Километров шестьдесят по прямой.

За разговором миновали КП, где, по словам Планшетова, несли нелегкую службу зловредные козлы из областной автомобильной инспекции. Никто не пытался остановить машину, однако Планшетову, проводившему уродливую бетонную будку взглядом показалось, будто гаишник в мокром дождевике вытащил блокнот и сделал пометку:

– Номера наши срисовал, урод.

– Пускай рисует, – отмахнулся Протасов. – Если делать нечего.

Сошлись на том, что Планшетову померещилось.

– Тут прямо давай, – распорядился Протасов, едва приятели выехали на развилку. Проложенная по гребню высокой дамбы бетонка широкой дугой уходила налево. «Ровер» пересек перекресток и проехал прямо, вскоре очутившись на мосту, переброшенному через обводной канал.

– Я тут щук ловил, – как бы, между прочим, сообщил Планшетов. – Они тут – крючки вместе с блеснами глотали.

Бандура при этих словах поморщился.

За Новоселками дорога углубилась в хвойный лес. Веко-

вые корабельные сосны, постанывая, раскачивались на ветру, словно нагруженные парусами мачты. Облака не задерживались на месте, ветер крепчал, обещая обернуться ураганом. Кроны сталкивались друг с другом, обломившиеся сухие ветви сыпались вниз. Кора широких стволов у земли напоминала чешую загадочных доисторических рептилий.

– Будет буря? – предположил Планшетов.

– Еще и деревья повалит, – поддакнул Бандура, краем глаза наблюдая за широкой амплитудой, с которой раскачивались стволы.

– Ни шиша, – возразил Протасов. – Это ж, блин, столетний лес. Комли по полтора метра в диаметре. Не в каждую пилораму войдут, чтобы до вас дошло. – Как известно, Валерий во всем понемногу разбирался. Сказывалась долгая рэкетирская практика. – Пятьдесят баксов за куб. И, это для начала разговора, в натуре.

Планшетов заворожено присвистнул, занявшись математическими вычислениями, в ходе которых он перемножал упомянутые Протасовым доллары на ориентировочный объем деревьев в лесу. Сумма получалась зубодробительная.

Километров через пятнадцать свернули в узкую заасфальтированную дорогу, примыкавшую к главной под прямым углом. Миновали луг, вскоре очутившись в убогом селе.

– Мы на точке, – сообщил Планшетов вполголоса. – Конечная остановка, чуваки. Давай, Андрюха, к Десне. Как из села выберемся, сразу дачи пойдут.

* * *

Улицы словно вымерли. Приближающаяся буря разогнала местных жителей, и они прятались по домам. Тучи неслись, как угорелые. От наблюдения за небом начинала кружиться голова. Шквалистый ветер то и дело срывался с верхотуры, вздымал поземку, хлестал по машине.

– Ну, держитесь, – пробормотал Планшетов, прижимая к животу перевязанную бинтами кисть и морщась от боли.

– Ноет? – посочувствовал Валерий.

– Не то слово, чувак.

– Погода, блин… – глубокомысленно изрек Валерий, прежде чем все началось. Андрей открыл, было, рот, намереваясь вставить свои пять копеек, но опоздал. Протасов держал окно «Рейндж Ровера» приоткрытым, и в него, вместе с завыванием ветра ворвался стремительно нарастающий гул, причина которого была неясна. Приятели обменялись недоуменными взглядами.

– Что за пурга?

Троица, как по команде, повернула головы на этот доносившийся с севера звук. Теперь фронт наступления урагана был виден невооруженным взглядом, угольно черная, зловещая туча на полнеба, отороченная грязно-белой пеленой у самой земли, ползла прямо на них, как чудовищных размеров танк. Андрею стало не по себе. Ему показалось, что на-

двигающаяся черно-белая завеса растворяет подворачивающуюся по пути местность, как ацетон нитрокраску. Только что была видна живописная опушка с разбросанными то тут, то там крошечными дачными домиками, а через секунду ее словно скрыла гигантская темная кулиса.

– Все, пацаны! – предрек Планшетов, машинально отшатнувшись в глубину салона. – Достукались. Конец света.

– Прорицатель долбанный, – фыркнул Протасов.

– Чтобы это ни было, оно сейчас нас настигнет. – Бандура ударил по тормозам, «Ровер» клюнул носом. Гул за окном перерос в оглушительный рев.

– Град! – догадался Юрик. В следующую секунду первая порция небесных снарядов стегнула «Рейндж Ровер» словно плетью. Градины, некоторые величиной с яйцо, таранили крышу, капот и стекла, рикошетили под всеми углами, какие только существуют в природе. Разговаривать стало бесполезно. Даже крики Протасова, и те потонули в могучем реве.

– Краску, блин, поотбивает! – вопил Валерий во все легкие. – Ну, ты попал, Андрюха! Теперь тебя Правилов точно кончит!

Дворники работали в максимальном режиме, на видимости это не сказывалось. Она оставалась нулевой.

– Глуши балалайку, блин! – выкрикнул Протасов.

«Надеюсь, Кристина нашла укрытие», – подумал Бандура, выключая дворники. Тяжелая машина раскачивалась, как картонная. Ветер бесновался, завывая разными голосами.

Град терзал внедорожник минуту-другую, а потом прекратился, как ножом обрезало. Не исчерпавшая боезапас туча ушла на восток, влекомая ветром.

– Пронесло, блин, – Протасов перевел дух, даже изобразил улыбку. – Чего встал, Бандура? Ты, что, заснул?! Давай, двигай, в натуре. Женщина ждет, а ты расселся.

Андрей тронул «Рейндж Ровер». Приятели прилипли к окнам. Землю, насколько хватало глаз, устлал ковер из ослепительно белых шариков, переливавшихся бриллиантами в лучах прорвавшегося сквозь тучи солнца.

– Я, блин, такую шнягу видел, когда на Варшавке[2] фура с полиэтиленом перекинулась, – заметил Протасов. Градины скрипели под колесами. Повсюду валялись обломанные ветки, будто деревья обстреливали шрапнелью. У дороги, шипя и сыпля искрами, как живые шевелились оборванные провода. Мачты ЛЭП стояли голыми.

– Абзац электричеству, – сказал Планшетов.

– Это уже дачи, или еще село?

– Похоже на дачи, – решил Протасов. – Людей не видать. Пусто, блин, как на погосте.

– Ага, чувак, и мертвые с косами стоят.

– Прикуси язык, придурок.

Вокруг громоздились совершенно безжизненные дома, оставленные дачниками в межсезонье. Еще пара минут, и постройки расступились, машина оказалась на т-образном пе-

[2] Варшавское шоссе – одно из старых названий трассы Киев-Ковель

рекрестке. Унылая грунтовка, теперь непролазная, забитая мокрым снегом колея уходила и направо, и налево, разграничивая дачный поселок и поле. Какие либо информационные знаки, вывески или таблички с названиями улиц, естественно, отсутствовали.

– Заливные луга, – сказал Планшетов. – Десна там. – Он показал на далекие деревья, вытянувшиеся в линию на противоположном краю поля. – Километра полтора, если напрямую. Ничего местечко. Элитное. Вот бы тут дачку вымутить…

– Шанхай, – пробормотал Андрей. – Мама дачные поселки шанхаями называла. – *«С чего это я маму вспомнил?»* — подумал он. Мама ушла давно, слишком рано, оставив после себя свербящую пустоту. Которую, хотя бы частично, каким-то образом заполнила Кристина. Рассматривать отношения с Кристиной под таким углом зрения ему раньше не приходило в голову. Только сейчас пришло. На раскисшей дороге, в конце которой он рассчитывал ее найти. Если, конечно, повезет. *«Обязательно повезет»,* – это он произнес как молитву, чтобы услышали небеса. Там как раз развиднелось.

– Давай, Андрон, направо, – распорядился Протасов.

– Почему направо? – удивился Планшетов. – По-моему, все равно, в какую сторону едешь, если прешься наудачу.

– Делай, как я сказал! – набычился Протасов.

– С таким же успехом можно и налево повернуть. Какая

разница, чувак?

– Конкретная. Сказал направо, значит направо. Хочешь налево – вали рогом. Пешком.

На этом прения прекратились. «Рейндж Ровер», разбрызгивая лужи широкими скатами, двинулся вдоль поля, огибая дачный поселок с севера на восток. Вглубь Шанхая уходили совсем узкие улочки, кое-где на въезде перегороженные шлагбаумами.

– Наконец-то, – Планшетов, оказавшийся глазастее других, первым разглядел ржавый щит, на котором, почти стертыми буквами было выведено название кооператива. – «Сварщик», – прочитал Юрик, щурясь. – Садовое товарищество завода сварочных автоматов. Ордена Ленина, чуваки, между прочим.

– Товарищество? – переспросил Протасов.

– Завод, чувак.

Андрей не принимал участия в разговоре. Он сидел молча, покусывая губы, сжимая и разжимая пальцы. Нервы были на пределе, стимулируя немоту. С нервами всегда так: или язык проглатываешь, или страдаешь от словесного поноса.

– Улица 1-я Цветочная, – сообщил Планшетов. – Молодцы сварщики, хоть табличку прикрутили.

– Значит, скоро будет и Садовая, – заключил Протасов. – Где сады, там и цветы, ты понял, да, Планшет?

– Странная логика, – не удержался Юрик.

– Сам ты, блин, странный. Саня сказал – дом на отшибе

стоит, окна на поле выходят, и все такое. Поле – вот оно, отшиб – тоже. Ты чего, вообще неумный?

Откуда на дороге появился пешеход, никто из них не заметил. Может, вышел из боковой улицы, возникнув неожиданно, как черт из табакерки.

– Эй, эй! – крикнул Валерий, распахивая дверь. – Слышь, браток? Садовая улица далеко?

Незнакомец словно ждал появления джипа с крутыми столичными номерами. По-крайней мере, не выказал ни малейшего удивления. Может, не умел удивляться.

– Нет, – голос незнакомца был хриплым, простуженным. А лицо выглядело мрачным и сосредоточенным.

– Ну, ты блин, даешь. Что значит, нет?

– Не далеко.

– А… я думал, ты немой. – И где она?

– Там, – палец в вязаной перчатке ткнул вдоль дороги, по ходу движения.

– Вот тупой, – пожаловался Валерий, захлопывая дверцу. – Ладно, погнали.

Бандура бросил сцепление, машина клюнула носом.

– Черт, совсем нервы расшалились…

– Не дрейфь, брат. Все будет ништяк. – Протасов потрепал приятеля по плечу, в то же время, избегая смотреть в глаза. Бандура сухо кивнул.

– Откуда этот пингвин взялся? – спросил Планшетов, оборачиваясь назад.

– Какой пингвин? – уточнил Валерий. – О чем базар, Юрик?

– О придурке, у которого ты дорогу спрашивал.

– А что с ним не так?

– Да, рожа какая-то подозрительная…

– Что, в натуре подозрительного? Бомж бомжом.

– В кожане и тапках за два листа?

– В каких, блин, тапках, валенок?

– Ты, Протасов, слепой?! – разозлился Юрик. – Я тебе говорю, что твой бомж на легавого смахивает, а ты мне яйца морочишь!

– Бандура, тормози, – приказал Протасов, и машина встала колом. – А ну, блин, дай назад.

Андрей с хрустом воткнул «заднюю». Джип попятился, набирая скорость. Юрик и Валерка вращали головами, будто те держались на шарнирах. Но, незнакомец исчез так же незаметно, как и появился.

– Интересное кино… – Протасов с растерянным видом почесал затылок. – Ниндзя, блин?

Юрик пожал плечами.

– Ладно, будем настороже.

* * *

В двадцати метрах от них, стоя за высоким забором, подозрительный незнакомец, которого Протасов посчитал бом-

жом, сунул руку в карман. Затрещала милицейская рация, подавилась статикой, которой был насыщен воздух.

– Товарищ полковник? Это они. Джип «Ровер», в салоне трое отморозков. Как поняли, прием?

– Понял отлично, Володя, – долетел искаженный помехами голос Сергея Украинского. – Клюнули, значит. Ну, хорошо. Сейчас обеспечим прием. По полной, б-дь, программе, значит.

Майор Торба, выключив рацию, осторожно выглянул из калитки. Джип был уже далеко. Виднелась только крыша внедорожника, раскачивавшаяся то вверх, то вниз, словно у катера на волнах. Торба потер руки, суставы хрустнули. Задрав воротник, майор зашагал вдоль забора.

* * *

Они снова двинулись вперед, теперь разговор совсем не клеился. Салон наполнился урчанием мотора – Валерий опустил стекло.

Цветочных улиц оказалось целых двенадцать. Потом по пути попалось мелкое, а потому промерзшее до дна болотце. Дорога огибала его через поле, Андрей поехал напрямик. Раздался хруст, который, казалось, разнесся на всю округу.

– Потише, брат, – сказал Протасов. – Нам шум без надобности.

– Если твой бомж-бруевич на самом деле мусор, нас уже

ждут, – откликнулся Юрик. Валерий смачно выругался. Бандура не проронил ни звука.

Дом с мезонином и перекрытой красной черепицей крышей, в точности соответствовавший описанию Атасова, троица заметила одновременно. Андрей затаил дыхание.

– Вспомни говно, вот и оно, – сказал Протасов, а потом в замешательстве покосился на Андрея. – Извини, брат. Я не то, блин, хотел сказать…

Андрей свернул в первую попавшуюся улицу. Они остановились у латаного перелатаного заборчика из сетки-рабицы, увитого то ли плющом, то ли еще каким-то ползучим растением.

– Не понял? – сказал Протасов.

– А ты что, хотел, чтобы я прямо к воротам подъехал?

– А… – протянул Валерий. – Теперь усек.

– Ну, слава Богу.

Приятели выбрались на свежий воздух. Вокруг было тихо. Студеный ветер пронизывал насквозь. Как ни странно, по дороге никому из них даже на ум не пришло набросать хотя бы приблизительный план действий. Хотя, время было.

– Слышь, Планшетов, давай-ка обратно, – бросил Протасов, поеживаясь и подымая воротник. – Садись за баранку и жди сигнала. И движок не глуши. Хрен его знает, чем дело обернется. Справишься, с одной граблей?

– А какого сигнала?

– Услышишь, врубишься, какого. Давай, Бандура, огоро-

дами.

* * *

Дом с мезонином и красной крышей был самым большим в этой части садового товарищества. Все прочие представляли собой обыкновенные фанерные хибары, в редких случаях поставленные на сваи. Особняк, именно это определение пришло на ум Андрею, пока они пробирались огородами, господствовал над местностью, как замок в окружении домиков челяди. Высокие стрельчатые окна второго этажа выходили на луг, обращенная к соседям стена была глухой.

– Ну и зашибись, – сказал Протасов. – В самый раз, чтобы не засекли.

– Смотри, Валерка, там точно кто-то есть.

Из высокой дымовой трубы, задранной над коньком крыши метра на полтора, вился белый дым. Ветер срывал его, комкал и относил к реке.

– Кто-кто? Кристина, кто еще? Ну, и эти хорьки, которые ее охраняют. – С этими словами Протасов вынул «Узи» Армейца, до того путешествовавший у него за пазухой.

– Рисковый ты парень, – пробормотал Бандура, в свою очередь, достав «Браунинг».

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского, блин, – парировал Протасов, огибая перекошенный сарай. – Бог не любит трусов, или ты не в курсе? – Местность была открытая,

все как на ладони. Если не считать хозпостроек. Приятели перебегали от одной к другой, как герои фильма про войну.

* * *

Когда они подобрались вплотную, выяснилось, что особняк окружен высоким добротным забором. Пожалуй, выше, чем принято строить на дачах.

– Как в тюрьме. – Присвистнул Валерий. – Точно, что для ментов строили.

– Или для бандитов, – добавил Андрей, позабыв уточнить, что в нашей стране границы между этими двумя категориями граждан размыты до полного отсутствия. – Ладно, на счет три.

Выскочив из-за сарая, они перебежали узенькую улочку и, через мгновение уже переводили дух под забором.

– Кажись, все тихо, – прошептал Протасов, прислушавшись.

– Тихо, – согласился Андрей. – Давай, вдоль периметра.

Приятели, стараясь ступать, как можно тише, обогнули дом. Стальные ворота были наглухо задраены. У ворот находилась калитка. Затаив дыхание, Бандура слегка надавил на нее. Створка немедленно подалась. Без скрипа и усилий. Петли были на совесть смазаны солидолом.

– Ух ты, блин. Открыто.

– Что будем делать? – зашептал Андрей, несколько сму-

щенный простотой, с которой им удалось проникнуть во двор.

– А ну глянь, чего там? – предложил Протасов. Бандура, держа палец на спусковом крючке «Браунинга», заглянул в образовавшуюся щель. Двор был пуст, если не считать двух-трех саженцев высотой, примерно, по колено. За домом виднелась капитальная хозяйственная пристройка, вероятно, совмещенная с гаражом, судя по широкому, выложенному квадратными плитами подъездному пути, заканчивавшемуся широкими металлическими воротами, на которых висел большой амбарный замок, блестевший так, будто его только вчера привезли из магазина хозтоваров.

Окна обоих этажей были зашторены наглухо. Ни одна лампа не горела, что, впрочем, было неудивительно, принимая во внимание оборванные бурей электропровода.

– Похоже, чисто, – сказал Андрей.

– Давай к дому, брат.

На приусадебной лужайке сверкали разнокалиберные градины. К дому вела мощеная фигурными плитками дорожка, пересыпанная небесным бисером. Град предательски захрустел под подошвами, когда Протасов и Бандура, озираясь по сторонам, пересекали дворик. Валерка поскользнулся и два не упал.

– Б-дь! – крикнул Протасов, цепляясь за Андрея. – Шею свернуть, не хер делать!

– Да потише ты! – шикнул Андрей.

– Поскользнуться, блин, нельзя?!

– Тихо, идиот!

Ветер внезапно утих, и как только он перестал завывать в проводах и ветках, настала абсолютная тишина. Такая полная, что ее, казалось, можно было при желании потрогать рукой.

– Как думаешь, Кристина в доме? – одними губами произнес Андрей.

– Спросил, блин, у больного о здоровье, – в свою очередь, губами, сказал Протасов. – Шут ее разберет… – и, тут же поправился: – Ясный пень, что в хибаре, а где еще.

– Следи за окнами, – предупредил Андрей, принявшись осторожно подниматься на веранду. Пистолет Бандура держал выставленным перед собой.

– Ты куда?

– Осмотрю дом.

Протасов только секунду колебался, потом выбросил руку, придержав приятеля.

– Стой, брат. Это ты, блин, следи за окнами, а я, значит пошел.

– Почему ты?

– Потому, в натуре, что на «у» заканчивается. По кочану, блин. Друзья мы с тобой, или нет?

– Друзья, – согласился Андрей, почти не раздумывая.

– Ну, так и отвали. Я за тебя с Криськой, чтоб ты знал… – он поспешил наверх, как показалось Андрею, пряча лицо. –

Короче, спину мне прикрывай, если что.

– Осторожней там! – бросил вдогонку Бандура.

– Я всегда осторожен. – В три шага пройдя веранду, Валерий взялся за ручку двери, отлитую из бронзы в виде львиной головы с большим кольцом в ноздрях. – Ух, ты, блин. И тут не заперто. – С этими словами он скрылся в доме. Андрей остался во дворе. Его била дрожь, вызванная натянутыми нервами и холодом, который пронизывал до костей.

Минут пять, показавшихся Бандуре вечностью, совершенно ничего не происходило. Протасов, невидимый, блуждал по дому, Андрей посматривал за окнами и двором, изнемогая от желания затянуться сигаретой, но пачка осталась в машине.

«Вот, всегда так», – подумал Андрей. В следующую секунду все и началось. В доме что-то тяжело упало, Протасов взвыл не своим голосом, послышалось несколько глухих ударов, снова закричал Валерий. Андрей почти ничего не разобрал, кроме ключевого слова «засада». Которого оказалось достаточно, чтобы ноги наполнились свинцом, а желудок, соответственно, опустел.

– Валерка, держись! – Андрей взбежал по ступенькам. Возможно, это было и не лучшее решение, но, что поделать – когда адреналин в крови, человеком управляют импульсы, а не разум. И тут оглушительно лопнуло панорамное окно первого этажа, и какой-то человек, как показалось Андрею в сером милицейском камуфляже и бронежилете, вылетел че-

рез него с такой силой, словно им выстрелили из пушки. Чудом разминувшись с поддерживавшим крышу веранды столбом, незнакомец приземлился на голову и остался лежать без движения.

– Засада! – снова крикнул Протасов, перемахивая через подоконник. В оке остались болтаться рваные жалюзи. – Шухер, Андрон! Отступаем.

Дверь на веранду распахнулась, как от удара. В открывшемся проеме было темно от людей в шлемах и масках. Бандура, не думая, нажал курок. Первая пуля расщепила наличник, вторая поразила защищенную бронежилетом грудь. Охнув, ближайший милиционер упал. Скопившиеся за ним бойцы спецназа бросились к выходу, и наверняка Бандуре пришлось бы несладко, если бы кто-то из них не споткнулся. В узком проходе мгновенно образовалась куча-мала, как будто милиционеры решили сыграть в регби.

– Менты! – закричал Андрей, с опозданием констатируя очевидное.

– Тикаем! – призвал Протасов и от слов немедленно перешел к делу. Андрей побежал следом. Выстрелы загремели, когда приятели уже были у ворот. Развернувшись волчком, Протасов дал длинную, неприцельную очередь по дому, выпустив весь магазин. Андрей рванул на себя калитку, пальцы сорвались с ручки. Дверь была крепко закрыта.

– Заперта! – крикнул Бандура фальцетом. – Мы в западне, брат!

Из-за угла дома выскочило человек пять, в бронежилетах.

– Стоять! – приказал голос, многократно усиленный мегафоном.

– Сейчас! – завопил Бандура, и выстрелил несколько раз. Они побежали к саду, пригибаясь на ходу. Больше бежать было все равно некуда. Однако и в саду их поджидал сюрприз. Едва приятели поравнялись с деревянным сараем, оттуда выскочил милиционер. Протасов метнул в него «Узи» и, на удивление, попал в голову. Милиционер упал на колени. Правда, это был временный успех. Впереди, за деревьями, Андрей увидел несколько человек в униформе.

– Назад, Валерка!

Протасов остановился, хватая воздух широко раскрытым ртом:

– Обложили, бля? Значит, тогда все. Приплыли!

Андрею не хотелось в это верить, но, все же, похоже, они попались. Он стоял, озираясь по сторонам, как загнанный волками олень. Милиционеры приближались отовсюду, размахивая автоматами и перекрикиваясь.

– Брось ствол, пристрелят, – сказал Протасов упавшим голосом. – Все. Попали мы с тобой, брат! Достукались!

И тут ворота полетели с петель. Во двор влетел «Рейндж Ровер» Олега Правилова.

– Юрик! – воскликнули приятели хором. Впопыхах они совершенно забыли о Планшетове. А он, молоток, не подвел.

– К машине! – заорал Протасов, в которого словно вдох-

нули новую жизнь. Джип занесло на усыпанном градинами дворе, он ударился бортом в веранду и разнес ее в щепки. Посыпались кирпичи и доски. Резной мезонин, оцарапав крыло машины, упал последним, как завершающий аккорд.

– Планшет, сюда! – завопил Протасов.

По пути к машине прямо под ноги Валерию метнулся милиционер в шлеме и бронежилете. Протасов сбил его на полном ходу, как кеглю. Бандура, бежавший за Валерием, перепрыгнул. В двух шагах от джипа беглецы столкнулись с группой спецназовцев, выбравшихся из-под обломков веранды. Бандура охнул, схватившись за голову. Ноги подкосились, Андрей упал. Кто-то прыгнул сверху, дыхание сбилось.

– Валерка! – успел крикнуть Андрей перед тем, как потерял сознание.

* * *

Очнувшись, Андрей обнаружил, что лежит на заднем сидении «Рейндж Ровера». Сидение подбрасывало так, словно оно было седлом сбесившегося мустанга на родео. В затылке пульсировала боль. Андрей потрогал голову. Волосы были липкими. Поднеся ладонь к лицу, убедился, что это кровь.

– Пусти за руль, мудила! – донесся откуда-то сверху возбужденный голос Протасова. – Пусти, кому говорю!

– Каким образом? – крикнул Планшетов. Это значило, что все в сборе. Не так уж плохо, в сложившейся ситуации.

– От дороги отсекают, быки! Сворачивай направо, Планшет!

Андрей кое-как приподнялся. Движения давались не без труда. Боль мешала соображать.

– Черт. Где мы?

– Живой, блин? – бросил Протасов, не поворачивая головы. – Я уж подумал, тебе каюк.

– Где мы?

– Добряче тебя видать шандарахнуло. Где-где? В Караганде! На Десне, е-мое! Едем, бля, рыбу удить!

– Что шандарахнуло?

– Ну, пуля. – Протасов, наконец, соизволил обернуться. – Пуля, братан. Прямо по черепухе звезданула. По касательной, видать. – С чувством выполненного долга Валерий повернулся к Планшетову:

– Налево, налево давай! Что ты телишься, плуг?!

– Утонем, Валерка!

– Ни хрена! – крикнул Протасов, перехватывая руль правой рукой. – Газу давай, лапоть!

Единственное, что успел сделать Бандура, так это схватиться за вмонтированную над дверцей ручку. Джип сначала оторвался от земли, секунду летел по воздуху, а потом провалился в широкий замерзший канал, каких на заливных лугах у Десны великое множество. Тонкий лед проломился, брызги, как от разрыва артиллерийского снаряда, полетели во все стороны. Из-под капота внедорожника вырвалось

облако пара. Тугая струя студеной воды ударила в лобовое стекло, Андрей сжался, представив, как они с машиной проваливаются на самое дно. К счастью, колеса уже касались его, бешено вращаясь и толкая джип вперед. И все же волна перекатила через капот, на мгновение превратив его в нос миноносца.

– Давай, наяривай! – кричал Протасов. – Не ссы, это, блин, джип, а не какой-то зачуханный «Запорожец»!

– Я думал, на корм рыбам пойдем, – пролепетал Планшетов, ни жив, ни мертв, за рулем.

– Ты блин, не думай! Тебе один хрен нечем!

Их перепалка потонула в реве мотора. Толкая носом бурун, словно настоящий буксир, «Ровер» форсировал канал и, в клубах пара, вылетел на покатый, занесенный снегом берег.

– Топи, не спи! – командовал Валерка. Было видно, что он воспрянул духом. – Переправа-переправа, берег левый, берег правый… снег шершавый, кромка льда, кому память, кому слава, кому темная вода, а кому вообще – звезда…[3]

– Чего? – не понял Планшетов. Обернувшись, Андрей заметил позади, на противоположном теперь берегу, две крошечные человеческие фигурки. Это были рыбаки, которых приятели окатили с ног до головы. Побросав удочки, рыбаки

[3] Можно предположить, что Протасову пришли на ум строки из поэмы «Василий Теркин», написанной во время Отечественной войны поэтом А.Твардовским (1910-71), хоть кое-что, он добавил от себя. Поэму зубрили многие поколения советских школьников

выкрикивали проклятия. Неподалеку валялся мопед «Верховина», на котором они приехали из села.

– Чтоб ты сдох, падлюка! Чтоб тебя черти взяли!

Расстояние быстро увеличивалось. Поток проклятий, соответственно, тоже. Чуть позже Андрей, наконец, увидел преследователей. «Рейндж Ровер» уже выкарабкался по откосу, когда в воду, как снаряд, влетела старая «Тойота Ланд Круизер». Рыбаков окатило, как из брандспойта. Следуя по пятам за «Рейндж Ровером», «Тойота» без проблем преодолела брод. Рыбаки разразились новой серией проклятий:

– Ах вы суки! Ничего себе, новые русские развлекаются! Вот гады! Сволочи проклятые! Федька! Надо было ружье с собой прихватить!

* * *

Каналов в устье Десны предостаточно. Они дробят луга изломанными линиями, и ваше счастье, если вы передвигаетесь на внедорожнике. Форсировав водную преграду, «Рейндж Ровер» помчался через луг, белый, словно тетрадный лист. «Тойота» висела на хвосте беглецов, участвовавшие в погоне «УАЗики», обыкновенные милицейские «Луноходы», здорово отстали. «Нива» с четырьмя милиционерами в салоне проскочила канал значительно левее, по мелководью, и теперь вырвалась вперед, оттесняя беглецов к Десне.

– Черт знает, блин, какая проходимость у этого поганого корыта! – с оттенком уважения пробормотал Планшетов.

Четверка милицейских машин растянулась по полю, словно гигантский веер. Поскольку ближайший мост через реку находился черт знает где, километров за сто, «Рейндж Ровер» угодил в мышеловку.

– Нам бы в лес! – крикнул Андрей. – На север, на север поворачивай!

О возвращении в город не могло быть и речи. Туда вела единственная дорога через плотину ГЭС, перекрыть которую ничего не стоило. Проще, чем Фермопильский проход.[4]

– К лесу давай!

Из окон «Нивы» загремели выстрелы, но ни одна пуля не попала в джип. Ухабы и колдобины не позволяли стрелять прицельно.

Грунтовая дорога после переправы исчезла. То ли скрылась под снегом, то ли рассыпалась десятком совершенно незаметных в такое время года проселков. Лужи на лугу были подернуты льдом, «Рейндж Ровер» бросало из стороны в сторону. Планшетов вращал рулем, Протасов не скупился на советы, скорее звучавшие приказами. Юрик слушал в полуха.

– Налево, лапоть! Ты чего, неумный?!

---

[4] Имеется в виду одно из ключевых событий Греко-персидской войны 480 года до Р. Х., когда тремстам спартанцам под предводительством царя Леонида удалось в течение продолжительного времени сдерживать в узком Фермопильском проходе многотысячную армию царя Ксеркса

Вскоре впереди показался очередной канал, гораздо шире предыдущего. Покрытый льдом, кое где прогрызенным лунками. Ничего, хотя бы отдаленно напоминающего брод, видно не было.

– Поворачивай! – крикнул Протасов.

Ничего другого не оставалось. «Рейндж Ровер» устремился вдоль канала, к Десне, до которой было не более километра. Вскоре они разглядели реку, издали вода казалась ржавой. На обрывистом берегу торчали редкие деревья, в окружении жидких, прозрачных кустов. В общем, спрятаться было совершенно негде. Противоположный берег, напротив, был низок и лесист. Бакены советской поры подрагивали на свободной ото льда стремнине, обозначая фарватер для призрачной армады советских теплоходов и барж, ныне повсеместно отправленных в переплавку. Планшетов взял правее. Теперь они были на берегу.

– В глухой угол загоняют! – процедил Андрей. Последнее было ясно и без слов. Планшетов погнал машину вдоль обрыва.

Вдоль обрыва, Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю, я коней своих нагайкою стегаю – погоняю…[5] – пропел Протасов. Корма джипа вильнула в бок, снеся прибрежную иву. Под скрежет изувеченного металла заднее стекло высыпалось в салон.

– Правилов меня прикончит! – взвизгнул Андрей.

---

[5] Строка из песни В.С.Высоцкого «Кони привередливые» (1972)

– Тебя прикончат раньше! – предрек Протасов.

Милицейская «Нива» и «Тойота» в свою очередь достигли берега и теперь буквально дышали в спину. «Луноходы» держались правее, в поле.

– Пат и мат, – сказал Андрей. – Приехали, пацаны.

Дорога уперлась в обшарпанные ворота, кирпичная сторожка с выбитыми окнами выглядела необитаемой. Кое-где порванный проволочный забор на покосившихся столбах тянулся до берега, огораживая территорию, занятую одноэтажными бараками из фанеры.

– Пионерлагерь! – воскликнул Планшетов. Андрей успел разглядеть изображения якорей на створках ворот, прежде чем джип снес их, влетев на территорию лагеря.

– К берегу! – закричал Валерий. В окнах мелькнули длинные ряды умывальников, заброшенная спортплощадка и клуб, а может столовая. Фасад последней украшала мозаика, изображавшая нескольких пионеров в галстуках и пилотках. Пионеры дули в горны, вождь мирового пролетариата товарищ Ленин, в верхнем левом углу мозаики, внимательно за ними наблюдал. Засмотревшийся на картину Планшетов слишком поздно принял левее, «Рейндж Ровер» зацепил угол фанерного домика и развалил его, как немецкий танк крестьянскую хату в кинохронике Второй Мировой.

– Что ж ты, сука, творишь?! – заорал Протасов. – Пионеры, блин, строили-строили…

– Пошел ты! – огрызнулся Юрик. Пока они переруга-

лись, джип выехал на пляж. Под колесами захрустел песок. Планшетов остановил машину у самой воды, в которой плавали льдинки. Вокруг лежали сугробы. Не хватало разве что моржей, чтобы представить себя полярниками. Чуть дальше в берег реки вгрызался очередной канал.

– Тупик, – констатировал Протасов.

– Ну что? – с оттенком истерики поинтересовался Планшетов. – Какой план, пацаны? Сходим, прогуляемся по берегу? Снимем пару пионерок, оторвемся?

– Ты чего, головой ударился?! Какие пионерки, мудак?

– Тут где-то должны быть лодки. Или водяные велосипеды? – предположил Бандура.

– Ага. Они тебя ждут!

– А вода, похоже, ледяная! – сказал Планшетов.

– Ты, блин, прямо ученый. Открыл Америку через форточку.

– Ну, что, пацаны, вплавь?

– Ты что, дурак? – искренне восхитился Андрей. – Вплавь?

«Нива» выскочила из-за крайнего у воды барака. Оттуда гремели выстрелы. Несколько пуль пробили обшивку, осколок стекла оцарапал Андрею лоб.

– Торба! – выдохнул Протасов.

– Эх! – крикнул Юрик, газуя. – Двум смертям не бывать. – Он принял решение за всех. Протасов еще вопил, что-то насчет воды, в которую, должно быть, не загонишь и тюленя,

когда внедорожник, выплевывая из-под колес тучи мерзлого песка, сорвался с места и прыгнул в реку. Пока Бандура хватался за голову, не веря собственным глазам, джип уже плыл по течению, постепенно заваливаясь носом.

– Уходим через окна! – крикнул Планшетов, и вывалился из салона в ледяную купель, как профессиональный водолаз. Юрик окунулся с головой, но, через мгновение показался на поверхности.

– Бодрит, б-дь! – вопил он, отплевываясь и стараясь держать раненую руку выше уровня воды. Хоть она уже промокла.

– Во псих, – сказал Протасов, – а если я через окно не пролезу?!

– Тогда тебе крышка, чувак!

– Это тебе крышка! – набрав в легкие побольше воздуха, Валерий перевалился через борт.

– Вау! – орал он через секунду, всполошив стаю чаек на противоположном берегу Десны. – Мать моя, полярница! Ну и дела! Бандура, чего ты ждешь, твою дивизию?!

Андрей медлил. «Рейндж Ровер» еще держался на плаву, покачиваясь и медленно погружаясь. Студеная вода облизывала борта, и, кажется, поджидала Андрея. Чтобы обжечь холодом, а может, утащить на дно.

– Давай, придурок! – вопили приятели. – Что ты телишься, лох?!

– Огонь на поражение! – раздалось с берега. Сразу загре-

мели выстрелы. Пули зажужжали по воздуху, защелкали по крыше машины. Лопнуло и высыпалось лобовое стекло.

– Сваливай, псих!

Легкая речная зыбь уже плескалась через капот. Откинувшись на сидении, Андрей выдавил ногами остатки лобового стекла, задержал дыхание, а потом прыгнул в воду. Река сомкнулась и проглотила его.

* * *

– Про Чапаева слыхал?! – кричал Протасов, яростно работая обеими руками. – Вот суки, устроили себе бесплатный тир!

Вокруг их голов то и дело вскипали фонтанчики, можно было подумать, дождь идет.

– Ага. А город подумал – ученья идут.[6] Шевели граблями, Бандура!

«Рейндж Ровер» Олега Правилова, на удивление, еще держался наплаву. Его постепенно сносило к фарватеру, задранная корма придавала машине сходство с терпящим крушение «Титаником», только, естественно, в миниатюре. По-

[6] Строки из песни «Огромное небо», слова Р.Рождественского, музыка О.Фельцмана, написанной по реальным событиям, когда в 1962 советские военные летчики Янов и Капустин, вместо того, чтобы катапультироваться, как это сделали украинские пилоты во Львове, направили падающий истребитель в сторону от жилых кварталов Западного Берлина и погибли

скольку милиционеры продолжали гвоздить по реке, джип был единственным укрытием от пуль. Протасов и Бандура старались держаться такого курса, чтобы идущий ко дну внедорожник прикрывал их от стрелков.

– Слышь, Бандура, а где Планшетов?! – фыркая и отдуваясь, спросил Протасов. Высунувшись из воды, он покрутил головой. Юрика нигде не было.

– Не-не знаю, – ответил Андрей, лязгая зубами. – Ва-валерка, я ног не чувствую.

Они были примерно на середине реки.

– Не болтай! Греби!

«Рейндж Роверу» наступал конец. Джип Олега Правилова уходил в пучину, как настоящий броненосец, разве что военно-морского флага не хватало, чтобы обставить его гибель, как положено. Вскоре вода сомкнулась над задним бампером внедорожника с почти ритуальным шелестом. На поверхность вырывались пузыри, как при погружении подводной лодки.

– Валерка, обожди! – захрипел Андрей, в спину удалявшемуся Протасову. Он барахтался, беспомощный, как щенок. Туфли слетели и ушли на дно, Бандура понимал, что еще немного, и он отправится за ними. Студеная вода уже не жалила до костей, напротив, наступило онемение. – Валерка!

Обернувшись, Протасов оценил его посиневшие губы и белое, осунувшееся лицо.

– Твою мать, а!

На берег они выбрались в обнимку. Точнее, на берег вылез Валерий, таща Бандуру как ручную кладь или бревно. Андрей не видел ни раскидистых ив у кромки воды, не чувствовал песка мелководья. Он оцепенел, провалившись в прострацию. В зарослях они повалились на песок. Протасов переводил дух. Он совсем выбился из сил. На дальнем берегу милиционеры сновали у воды, размахивали руками и что-то кричали. Однако, желающих повторить заплыв не нашлось. Как, вероятно, и лодок, еще в восьмидесятых порубленных на дрова.

– Давай сваливать, – отдышавшись, сказал Протасов. – Пока они с местным РОВД не связались. Нам, блин, топать и топать, как до Москвы рачки. Да и не хрен тут валяться, а то околеем, как Карбышев в концлагере.

– А где, все же, Планшетов?

Протасов пожал плечами.

– Без понятия, Бандура. В реке – никого. Может, там же, где «Узи» Армейца?

– На дне?

– У тебя много других вариантов? – Протасов схватил приятеля за шиворот и рывком поставил на ноги. – Все, блин. Хватит базарить. Бегом марш!

Они углубились в лес, миновали его и вскоре очутились на пустоши. Далеко на юго-востоке, километрах в пяти-шести, маячили многоэтажки Троещины. Значительно дальше, у самого горизонта, призрачно темнели холмы старого горо-

да, визитная карточка столицы, растиражированная миллионами цветных открыток.

– Бегом, блин! – рявкнул Протасов. – Шевелись, труп ходячий! Двигай копытами, твою мать!

Заплетаясь казавшимися чужими ногами, Андрей подумал об армии, в которой Валерий, должно быть, был прямо таки кошмарным сержантом.

Они припустили в направлении крохотных огоньков, распустившихся на безликих фасадах жилых домов. Солнце стало красным, и коснулось земли на западе. С востока быстро надвигались сумерки.

– Бегом! Бегом! – орал Протасов, а из его широко открытого рта валил пар. Собственно, пар поднимался над ними, они подсыхали на бегу.

Двух часов не прошло, как Валерий лупил кулаками в обитую вагонкой дверь Армейца. Бандура стоял рядом, привалившись к косяку и ловя воздух, как рыба, выброшенная волнами на поверхность.

* * *

– Значит, так, типа, – протянул Атасов, когда приятели закончили, – ну и ну… хорошие дела…

– Вы-выходит, это бы-была ловушка, – сказал Армеец, подливая в чашки дымящийся чай из заварочника. – С-специально подстроенная, чтобы сцапать Ва-валерку и Андрея.

– Ты прямо Эйнштейн, – съязвил Протасов. – Оракул, бляха, однозначный.

– За-зачем ты так?

– Следовательно, – Атасов чиркнул спичкой, – те, кто это подстроил, знают мой адрес. И, Андрея, естественно. А Эдика, выходит, нет. Иначе, уже, типа, стучали бы в дверь.

Протасов присвистнул, впечатленный такой перспективой.

– Знают, – Атасов считал по пальцам, – об отношениях Андрея с Кристиной. А также о том, что она исчезла… – он в упор посмотрел на Протасова. – Валерий, у тебя есть, типа, что сказать?

Протасов стал пунцовым:

– Я? Почему сразу я, Атасов?

– Кто в вас стрелял в Пустоши?

– Почем мне, в натуре знать? Менты какие-то…

– Какие менты, Валерий? Те же, что ждали на даче?

– Вот блин, прицепился! Без понятия я!

– Жалко Юрика, – перебил Волына. – По-любому. Надо бы выпить водки.

– Тебе, блин, только повод дай. Алкаш гребаный. – Буркнул Протасов, радуясь перемене темы. – Дернешь пару стопок, когда нас с Андронычем отсюда ногами вперед вынесут. Когда Олег Правилов про свой джип узнает. Чтобы уже за всех.

– Тьфу, дурак.

– Мо-может, он все таки выплыл? – лицо Эдика выражало слабую надежду. Он словно искал поддержки.

– Кто, «Ровер»? – спросил Протасов, щерясь.

– Ю-юрик.

– Ага, сбегай на Десну, посвисти, – фыркнул Протасов. – Видать, подстрелили пацана. Пока я Андрюху к берегу буксировал.

– Если выжил, появится, – подвел черту Атасов. – В любом случае, тут мы, типа, все равно уже ничего не поделаем. – Поднеся запястье к носу, он сверился с часами. – Тебя Поришайло, если мне память не изменяет, на восемь вечера приглашал?

Бандура, подавившись чаем, закашлялся.

– Еще можем успеть, – как ни в чем не бывало, закончил Атасов.

– Саня, ты смерти моей хочешь? Я не пойду! Хоть режьте!

– И п-правильно, – поддержал Армеец.

– Точно, – согласился Протасов. – Запакуют Андрюху. Как пить дать. Или вообще шлепнут.

– По-любому.

Атасов презрительно поморщился.

– Я так не думаю, Бандура. Такие люди, как Артем, даром, типа, не зовут. Раз пригласил, значит, есть повод для разговора. Я бы, типа, сходил. Узнал, чего он хочет.

– Кончат его там! – возразил Протасов. – Просто Артему за Бандурой гоняться лень. Не ходи, брат, однозначно.

– Хотели бы кончить, уже бы, типа, кончили. За одно про Кристину спросишь…

– Откуда ему знать?

– Такие, как Поришайло, знают достаточно, – парировал Атасов. – К тому же, не думаю, чтобы он стоял за ловушкой, из которой вы чудом выскочили.

– А если меня все же закроют?

Атасов покачал головой:

– По-твоему, Поришайло следователь какой-то? Он олигарх, на минуточку. Не тот уровень, чтобы с наручниками носиться. Меня-то он, наоборот, отпустил.

– Тебя да, – без энтузиазма согласился Андрей. – Тогда кто же тогда за нами гонялся на Десне, как ты думаешь, Саня?

– Ну, – протянул Атасов, в задумчивости потирая переносицу, – например, твои дружки, Бандура…

– Какие дружки? – машинально пролепетал Андрей, хоть прекрасно понимал, о ком речь.

Из ментовки, – спокойно пояснил Атасов. – Те, что мне по башке настучали. Полковника Украинского орлы. Твои и вот его, – он ткнул концом дымящейся сигареты в Протасова. Лицо Валерия вытянулось, как у невезучего римского легионера из подвергнутой децимации[7] когорты, после того,

[7] Наказание, применявшееся в римской армии, при котором перед строем казнили каждого десятого солдата отступившего подразделения. Было весьма эффективным по части поддержания дисциплины. Вот бы применить нечто подобное к нашему парламенту или, скажем, кабмину

как на нем остановился счет.

– Но-но-но! – начал Протасов, – Я тут ни при чем, блин!

– Да ну?! – Атасов широко улыбнулся, но в улыбке не было и тени веселья. – У меня, Протасов, после посещения СИЗО, судя, типа, по обрывкам фраз, которыми перебрасывались менты, когда играли мной в футбол, сложилось противоположное впечатление. Мне стало казаться, что полковник Украинский хотел видеть именно тебя, Протасов. Чтобы тебе уши отрезать, а заодно, типа, и яйца. Что-то там такое произошло, у тебя с полковником, переехали какую-то женщину, при этом исчезла целая куча денег. Гребаный полковник, поверь, взбешен, – говоря это, Атасов посматривал то на Протасова, то на Андрея. Лица обоих залила краска. Так и должно было быть.

– Меня подставили! – заорал Протасов, вскакивая и опрокидывая табурет.

– Верно, что так, – согласился Атасов. – Вопрос, кто, верно? – теперь он в упор смотрел на Бандуру.

– Точно! Чтоб, блин, обломать рога!

– Точно, – подхватил Атасов с фальшивым энтузиазмом. – Именно, обломать. Но, перед тем как везти подставившего тебя недоноска в лес нехило было бы узнать, Протасов, чем ты сам занимался с той бабой, которая водилась с продажным полковником до того, как ее кто-то переехал.

– Ничем я, конкретно, не занимался! – заорал Протасов, но потом сбавил обороты. – Так, дело одно забадяжили…

– Какое дело? – вкрадчиво спросил Андрей, подсаживаясь к Валерию с другой стороны.

– А… – Валерий отмахнулся, потупившись.

– Это, типа, не ответ, – сухо заметил Атасов. Валерий тяжело вздохнул:

– Банк раскрутили, на невозвратный кредит, – сообщил Протасов неохотно.

– Какой банк? Не Поришайло ли, типа, часом?

– Что я, Атасов, по-твоему, совсем дурак?! Я в лес не хочу. Государственный. Минское отделение Сдербанка. У меня там, что б ты знал, надежный конец…

– Был, – подсказал Армеец. Протасов вспыхнул, собираясь возразить, но слова застряли в горле и остались невысказанными. – Похоже на то, – в конце концов, выдавил из себя Валерий. – Был.

– И на кого повесили твой кредит? – холодно осведомился Атасов, у которого был определенный опыт по части афер такого сорта.

– Да, там… – отмахнулся Протасов, поникая, как проколотый резиновый шар, – нашли, короче, одного козла…

– Какого козла? – продолжал Атасов, обменявшись с Андреем многозначительными взглядами. – Может, назовешь фамилию, адрес и телефон бедолаги?

– Я ведь не просто так спрашиваю, из любопытства, типа, – добавил Атасов. – Ты кредит пропихнул, потом кто-то твою приятельницу-мусоршу, подружку Сереги Украинско-

го слил, в канализацию, и все ваши денежки тю-тю. Может, твой барыга не такой лох, как тебе показалось, а, типа? Может, он тебя и опрокинул? Может, если с ним потолковать по душам…

– Не выйдет, – сказал Протасов, решив сразу обрубить пути, которые рисковали привести устроенное Атасовым импровизированное расследование к Бонасюку, а за ним – к Кристине. – Грохнули его. Вчера. Наглухо.

– Кто грохнул?

– А х… его знает, кто?! Менты, или еще кто. Замочили и точка!

– Тоже, типа, машиной задавили?

– Нет, – отрезал Протасов, пристально изучая носки теплых войлочных тапок, которые выдал ему Армеец. – В парадняке вальнули. Водопроводной трубой по балде. Трявк, и готово.

– Ого! – приподнял брови Атасов, сообразив, что Валерий не намерен говорить правду. – А Бонасюк Василий Васильевич в твоем предприятии не участвовал?

Протасов, на мгновение вскинув голову, уронил ее так быстро, словно она была отлита из чугуна.

– С чего ты взял, Атасов, что я стану работать с Толстым?! Какого хрена ты вообще приплел сюда долбанного старого пердуна?! Да я его, если хочешь знать, вообще не видел с тех пор, блин, как мы в баньке перестали париться!

– Ты в этом уверен, типа?

– На все сто, – набычился Валерий.

– И нигде не встречал его, в последнее время?

– Да что ты ко мне приклепался, Атасов?! Не видел я гребаного жирного урода, пока эти два болвана не привезли его в Пустошь, а Бандура там задавил. Джипом Олега Петровича. – Вспомнив о джипе, Протасов сподобился на кривую улыбочку.

– Какие двое?

– Планшет с Вовчиком.

Волына закашлялся, теперь особенно остро ощутив, как одиноко ему стало без Планшетова. Пока Вовка собирался с мыслями, Валерий, осененный неожиданной мыслью, перешел в наступление:

– Кстати, блин, – зарычал он, вращая красными, как у быка глазами, – а откуда, рогомет ты недобитый, вы с этим дефективным придурком Планшетом приволокли долбанного старого клоуна?! Где он вообще взялся?!

– Понятия не имею, зема! – оправдывался Вовчик. – Я тут ни при чем, по-любому! Я, это… короче, соснул, немного… пока сигнала ждал, от той шалашовки… как ты приказал.

– Нажрался, гнида! – страшным голосом уточнил Протасов.

– Рюмку выпил, может – две, зема. Мамой клянусь!

– Где лаве взял, козлище?! – развивал наступление Валерий. Картина начала проясняться для него, словно он отодвигал штору. Или листал книгу, кому как больше нравится.

– Я не брал, земляк! Планшет бухло выставил.

– По какому поводу, мурло?!

– Да ни по какому, Валерка! Так, посидели немного. Я прикорнул, а как глаза продрал, Васек уже был. Он у них в багажнике валялся!

– У кого, у них, плуг?

– У Юрика с Андрюхой. Они его привезли откуда-то.

По мере того, как Протасов вел допрос Вовчика, он начал прозревать, задумавшись о том, что раньше, в силу множества причин, просто не приходило в голову. Таким образом, из обвиняемого он неожиданно для себя превратился в обвинителя или даже обличителя. Валерий воспрянул духом и, соответственно, расправил плечи.

– Вот, значит как, – выдохнул Протасов, поворачиваясь к Андрею: – Так откуда ты взял Толстого, Бандура?

– Из гаража, – выпалил Андрей. – На Оболони.

– А что ты делал в гребаном гараже?!

Андрей хотел было что-то сказать, и запнулся, растерявшись. В Африке существует поговорка, согласно которой перед тем как отправляться охотиться на льва, следует убедиться, действительно ли вы хотите встретить зверя среди зарослей. Нечто подобное пришло в голову Андрею. Собираясь вывести кого-то на чистую воду, не мешает подумать заранее, будет ли самому в ней комфортно плавать. Не всем удается, вымазывая оппонентов дерьмом с головы до ног, при этом строить из себя чистюлю. Для этого надо родить-

ся политиком. Положение спас Армеец. Посмотрев на часы, Эдик напомнил приятелям, что пора ехать. Невежливо заставлять ждать сильных мира сего, даже если они не женщины.

– Тогда поехали, – сказал Протасов, смахнув пот. Было очевидно, что он рад устроить перерыв, хотя бы на время. Атасов придерживался того же мнения полагая, что никому не станет легче после того, как пара свежих скелетов окажется вне шкафов.

– Постой, Саня, – запротестовал Андрей.

– Что еще? – Атасов с Протасовым застыли, опасаясь, что приятель все же намерен расставить точки над «I». К частью, это было не так.

– Может, ты позвонишь Правилову? – предложил Бандура.

– Зачем, блин?! – воскликнул Протасов, который не забыл, как Андрей буквально свалился ему на голову с целым ворохом новостей, одна чернее другой. Известие о том, что его, Протасова, разыскивает взбешенный Правилов, было первым среди равных. – Хочешь рассказать Олегу Петровичу, как утопил его джип?!

– Хочу попросить помощи, – тихо сказал Андрей.

– В чем, типа? – осведомился Атасов.

– Ну, видишь ли, – Бандура замялся, – ведь он, согласись, как-никак, ближе к Поришайло стоит. Вот и провентилировал бы, что Артему от меня понадобилось?

– Почему бы тебе самому не сделать этого? – спросил Атасов. – Ведь это твой батя служил с Олегом в Афгане. Мой, если ты помнишь, был режиссером. Так что…

– Ты же знаешь, я не могу, Саня. Протасов прав, он спросит о своем джипе. Сказать будет нечего. Да и вообще… тебе сподручней, по-моему. Может, Олег что посоветует, дельное.

– Разве не так? – добавил Андрей, наблюдая, как приятель медленно качает головой.

– Видишь ли, Бандура, – проговорил Атасов. – Я уже говорил с Олегом. Звонил домой, пока вы болтались там… – он махнул рукой в том направлении, где, по его мнению, находилась Десна, со своими чудесными заливными лугами.

– Ну, и?

– Кина не будет, как любит выражаться Протасов.

– Почему?!

– По той простой причине, что Олег набрался, типа, как сапожник, – неохотно сообщил Атасов. – Не помню, чтобы раньше он нарезался до такой степени, приятель. Как ты понимаешь, разговора у нас не вышло, ведь мы с ним были в разных градусах, типа. Конечно, я мог бы тоже нарезаться до чертиков, а потом перезвонить еще раз, но…

– Допустим, – продолжал Атасов, как бы разговаривая сам с собой, – мне бы удалось разнюхать больше, если бы я подкатил к нему, прямо сейчас, с бутылочкой, а лучше с двумя. Но, на это не было времени. И потом… – Атасов запнулся,

не зная, стоит ли продолжать.

– И потом? – подхватил Бандура.

– И потм, у меня, типа, сложилось впечатление, что у Олега не было особого желания разговаривать о тебе. И об Артеме Павловиче, кстати, тоже. Как я понял, он умыл руки, понимаешь ли…

– Почему? – выдохнул Андрей.

– Не знаю, – честно признал Атасов. – Но, думаю, мы это выясним после того, как ты встретишься с Поришайло. Так что, поехали, парень, в машине договорим.

– Но… – начал Андрей.

Ожидание смерти хуже самой смерти, верно? Так, кажется, утверждает этот американский здоровяк с косичкой, который постоянно заламывает окружающим конечности, а потом бросает в окно.[8]

– Вы меня вытащите, в случае чего? – спросил Бандура, не сводя глаз с приятелей. Лицо Атасова осталось непроницаемым.

– Я бы, Бандурчик, на это, в натуре, не рассчитывал. – Протасов растер рыжую щетину на щеке. – Как ты, блин, себе это видишь?

– По-любому, зема, – подхватил Вовчик. – Нам что, СИЗО приступом брать?

---

[8] Сигал Стивен, р.1951, известный американский актер, режиссер и продюсер, а также мастер боевых единоборств, которому удалось первым из не японцев открыть в Токио собственную школу айкидо. Интересно, что она располагалась в одном из районов, облюбованных якудза

– У Правилова а-адвокат есть. Чу-чудеса, говорят, творит, – добавил Армеец.

– Спасибо на добром слове.

– Никто тебя не тронет, – успокоил его Атасов. – Дался ты Артему Павловичу. Сходи, послушай, типа, что ему надо. Тоже мне, нашел проблему.

Конечно, это было не так.

Глава 2
ПРАВИЛОВ

После разговора с Атасовым Правилов сидел какое-то время в кресле, с дымящейся сигаретой во рту, как завороженный глядя на бутылку «Абсолюта», будто она была языческим идолом, а не дешевым куском стекла, со смесью обыкновенной воды и ректифицированного этилового спирта внутри. С «огненной водой», как называли ее североамериканские индейцы. Той самой водой, пагубная страсть к которой, привитая белыми колонизаторами, впоследствии влетела им в копеечку, когда их, разучившихся метать томагавки и снимать скальпы, из прерий согнали в резервации. Правилов вполне бы мог развить эту мысль, подумав, что эта самая страсть рано или поздно сыграет подобную злую шутку и с аборигенами бывшего СССР, но он был слишком пьян для логических построений. Некогда Иисус превратил воду в вино. Вероятно, ликероводочные магнаты воображают, что превзошли самого Бога, производя оболванивающее пойло из водопроводной воды, крахмала, сахара и солода промышленным путем, в неизмеримо больших масштабах, и при этом, в отличие от Христа, не забывая набивать купюрами с масонскими знаками[9] свои безразмерные карманы.

[9] Речь о долларах США, на которых действительно полно знаков, характерных

Атасов, рассказывая Андрею, что Олег Петрович основательно нарезался, никоим образом не сгущал краски. Правилов действительно крепко выпил. Атасова это обстоятельство удивило, это естественно, ведь он не знал, что Олег Петрович не первый месяц по вечерам только и делает, что «заливает сливу», а макивары[10] и боксерские груши в приспособленной под небольшой спортзал гостиной покрыты толстым слоем пыли, как экспонаты из заброшенного музея.

Повесив трубку на рычаг, Олег Петрович потянулся за бутылкой, наполнил фужер для лимонада, и мигом перелил его содержимое в глотку. Это «утонченный» Поришайло предпочитал пить дорогущий «Хеннесси»,[11] от которого, по убеждению Правилова, разило клопами. Олег Петрович был кадровым офицером, а они пьют водку или спирт.

– Девятнадцать, ну, надо же, – пробормотал Правилов, после того, как перевел дух. Слова Атасова о том, что сына его однополчанина втягивают в какое-то большое дерьмо, еще звучали у него в голове. Собственно, Андрей Бандура давно был в дерьме по самые уши, с тех самых пор, как, прибыв в город, обратился за помощью к нему, Олегу Правилову. Это и стало началом конца. Атасов, убедившись, что бывший шеф не вяжет лыка, тем не менее, решил давить ему на

для масонских лож. Подробнее читайте в книге Я.Зуева «В круге света»

[10] Снаряд для занятий карате

[11] «Hennessy», дорогой французский коньяк, считается одним из лучших. Появился во второй половине XIX века стараниями Мориса Хеннесси

совесть. Наступил на ту самую мозоль, которую Правилов и лечил при помощи водки. Совесть давно стала чем-то вроде якоря, затрудняющего уверенное продвижение вперед, к мифическим западным ценностям, от которых, после пересечения государственной границы, с запада на восток, почему-то начинает разить мусорным баком, и этот запах преобладает среди всех прочих, какие только есть.

– Атавизм, – буркнул Олег Петрович, и плеснул в фужер еще немного. Сунул в рот «Лаки Страйк», откинулся в кресле. Андрея Бандуру ему, безусловно, было жаль, как и его отца, лицо которого впрочем, успело затереться среди многих других, как старый календарик в бумажнике. Но, они были ни первыми и не последними из тех, кого ему, по разным причинам пришлось оставить за бортом в самых удаленных друг от друга уголках планеты, где только ни пролегал его долгий, полный опасностей и невзгод путь. «Ему всего девятнадцать, – с укором бросил Атасов, – и, черт возьми, это не тот возраст, чтобы заставлять платить по счетам». «Так-то оно так», – согласился Правилов, командовавший в Афганистане солдатами, которые были еще младше, в то время. Не они развязывали войну, это было совершенно очевидно. Они были ее пушечным мясом, по-крайней мере, одной из его составляющих.

Раздавив сигарету в пепельнице с такой ненавистью, словно именно она была виновата в том, что мир глуп, несправедлив и жесток, а Бог, похоже в отпуске, растянувшемся на

невесть сколько столетий, Правилов налил себе еще. Это был перебор, Олег Петрович знал это и приветствовал.

– Девятнадцать… – повторил он, поставив фужер на стол. – Подумать только, на два года младше моей Ликушки… – он снова закурил, прикрыл глаза, выпустил дым в потолок. И, потихоньку уплыл из прокуренного кабинета, очутившись, к некоторому удивлению, на Центральном железнодорожном вокзале города. Правилов увидел себя, только моложе на полгода. *«Неужели столько времени прошло?»*, поразился Правилов. Низкие тучи метали на перроны осенний дождь, но он отказался от зонта. Он стоял с дурацким букетом, нелепым из-за цены и чудовищных размеров, и неловко переминался с ноги на ногу. Букетом он был обязан секретарше Инне, с ее дурным вкусом. Это она выбирала цветы, основываясь, очевидно, на небесспорном соображении: чем больше, тем лучше. Телохранители, напоминающие горилл, наряженных в плащи для выступления в цирке, держались на почтительном удалении, буравя пассажиров тревожными взглядами из-под черных, как смола очков. Холодные капли стекали по щекам Правилова, но он не обращал на это внимания, нервничая так, как случается нервничать любящим отцам, надолго разлученным с любимым ребенком в силу целого ряда обстоятельств. *«Главным образом по своей вине, старый ты баран, и на такой срок, за который ребенок-то вырос»*. Олег Петрович досадовал на погоду, телохранителей и чертов вокзал, похожий на гигантский муравейник, а когда

скорый поезд Москва-Белград подтянулся-таки к перрону, у него едва не отказали ноги.

– Папочка!!! – закричала Лиля, высунувшись из тамбура на ходу. Поезд не успел остановиться, как она уже бежала по перрону. – Папочка! – восклицала Лиля сквозь слезы. Она кинулась ему на шею, как бывало в те далекие времена, когда Лиля ходила в школу, а Правилов возвращался с учений. Олег Петрович прижал дочурку к груди, и тоже едва не заплакал.

– Ликушка…

От нее пахло духами и немного поездом. Тем самым специфическим железнодорожным запахом, который обязательно сопровождает любого, кто хотя бы час провел в купе. Этот запах ни с чем не спутаешь. Для кого-то он означает командировки, для кого-то неизбежные издержки отпуска, которые приходится перенести, чтобы добраться до моря. А кому-то навевает мысли о путешествиях, дорожной романтике и случайных встречах. В душе Правилова этот запах немедленно пробудил целую бурю ассоциаций. Что и неудивительно. У армейских офицеров вся жизнь на колесах. Стоит только немного обжиться и прирасти, а еще хуже, задуматься о корнях, как поспевает новое назначение, а за ним, естественно, чемоданы, вокзалы, и покачивание плацкарта под перестук колесных пар. Олег Правилов ни в коей мере не был исключением из правила, потому и гоняло его по всему Союзу, а иногда, и за его пределы, всю службу, с короткими

передышками. Жена не работала. Лилька меняла школы, как перчатки.

Правилов, издав горлом клокотание, прижался щекой к ее щеке, такой мягонькой и розовой. Русые локоны дочери коснулись его носа, и он вдохнул полной грудью.

– Папочка… какой же ты колючий. – Лиля отстранилась, смеясь.

– Как доехала? – спросил Правилов.

– Ужасно, папочка. – Дочка забавно сморщила носик. – По-моему, ничего не изменилось с тех пор, как мы кочевали с места на место. Помнишь?

– Конечно, помню, – сказал Правилов.

– Ты еще называл нас цыганами.

– Было. – Правилов улыбнулся. – Я и есть цыган. Все мы цыгане под Солнцем, доця. Пришли, и уйдем…

– Нет, папочка. Ты такой серьезный. – Лицо дочки приобрело озорное выражение. Одними бровями она показала на телохранителей. – А это кто?

– Рота почетного караула. Не обращай внимания, доця.

Лиля решила, что так и сделает.

– Я так скучала по тебе, папочка…

Ее голос показался Олегу Петровичу колокольчиком.

– Я тоже, доця. – Скупая слеза, такая же редкая на лице Олега Петровича, как снежные заносы в Африке, выкатилась из уголка глаза. Он надеялся, что ее спишут на дождь, но Лиля все же заметила.

– Папочка… – она в свою очередь всхлипнула. – Ведь все уже хорошо.

– Лучше некуда, – сказал Правилов. *«Все хорошо уже, все-позади, вынуть бы только топор из груди».* – Просто, глазам не верится, какая же ты взрослая… у меня… на маму похожа.

– А дедушка говорит: вылитый папочка, – усмехнулась Лиля. – Правда, только тогда, когда сердится.

«Старый долбобуй еще жив?»

Тесть, а точнее, бывший тесть Олега Правилова, Федор Титович Барановский не переваривал зятя на дух с тех давних времен, когда тот еще не был зятем, как и сам Барановский тестем. Федор Титович был человеком из академических кругов, доктором медицины и заслуженным нейрохирургом Белоруссии. Единственной и обожаемой доченьке Насте Федор Титович прочил замечательную медицинскую карьеру, и быть бы по сему, не повстречай она на производственной практике (студенток отправили в Рязань) курсанта Олега Правилова. Едва их пути пересеклись, они немедленно полюбили друг друга. Федор Титович рвал и метал, но дочка проявила невиданную доселе твердость.

– Папа, решено. Я выхожу замуж за офицера.

– За солдафона?! Бог ты мой! – Барановский хватался то за сердце, то за лысину.

Поскольку курсант Правилов перечеркнул чаяния Федора Титовича, профессор вычеркнул его из своей жизни, как

неудачный пример из учебника. Это никак не помешало Правилову вскоре получить долгожданные офицерские звезды, и Анастасия заявила родителям, что учеба в институте подождет. Она была беременна, но об этом пока никто не знал. Они сыграли свадьбу, где отсутствовали родители с обеих сторон, словно молодые были круглыми сиротами. Профессор Барановский считал избранника дочери яйцеголовым солдафоном, а родня Правилова подозревала Настю в еврейских корнях. «Еврейка натуральная, черт забирай. Ноги нашей там не будет».

Отсутствие родителей не сказалось на свадьбе, которая отгремела на «ура». Так что скорее оно пошло на пользу.

* * *

– Все же на маму больше похожа, – улыбнулся Правилов, откидывая прядь ее волос со лба. Тут он грешил против истины. Лиля походила на мать, но и черт его, правиловского рода, в облике дочери присутствовало предостаточно. Рост, как у Анны Ледовой, Анькин же вздернутый носик. Анькино озорство через край и смешинки в глазах, временами становившиеся бесенятами. *«Впрочем, смешинки, очевидно, не то слово, которое подходит нынешнему состоянию Анны»,* – подумал Правилов, и улыбка соскользнула с лица.

– Папа, – дочка нежно высвободилась из объятий отца, как много раньше из-под опеки, – позволь тебе представить.

Мой муж, Валентин.

Правилов хмуро покосился на долговязого худощавого парня, ошивавшегося за спиной дочери с видом утомленного поделками ремесленников ценителя высокого искусства. Парень с первого взгляда не понравился Правилову, и он окрестил его Хлыщем.

– Рад познакомиться, наслышан, как же… – Хлыщ протянул вялую ладонь, и рукопожатие только усугубило впечатление от безобразно растягиваемых гласных. Рука зятя показалась Олегу Петровичу дохлым кальмаром вроде тех, что продаются в рыбном отделе супермаркета.

«Поганый слизняк», – подумал Олег Петрович и сосредоточил внимание на дочери.

– Как мама? – спросил Правилов. Бывшую жену он по-прежнему любил, хоть и предпочитал не распространяться на эту тему.

– Нормально, папочка. В конце зимы приболела, но сейчас пошла на поправку. Они с Вениамином Семеновичем даже намеревались ехать с нами, но потом у него что-то не сложилось. Говорит, много работы.

Вениамин Семенович был вторым мужем Анастасии Правиловой.

* * *

Вот на что никак не рассчитывал Олег Петрович, так это

на то, что Настя после развода снова выйдет замуж. Что долгое время будет сторониться его и избегать (что впрочем, несложно, проживая в разных городах, а теперь и странах), и что единственной ниточкой между ними останется дочка и, возможно, добрая память, *«А ведь не все, черт побери, было-плохо за эти годы»,* – к этому он был готов. В той или иной степени. Но, чтобы замуж, после стольких лет? Такое Правилову и в ночном кошмаре не приснилось бы. Если развод означал сожжение мостов, то замужеством она развеяла пепел, исключив какие бы там ни было понтонные переправы с его, Олега Петровича берега. Они миновали точку возврата. Настя ушла навсегда. Правилову оставалось принять это как факт, переварить, и попробовать как-то жить. Беда заключалась в том, что желания жить у него не было.

Развал семьи случился незадолго до развала страны. Под конец Перестройки Правиловы очутились в Киеве, что, в общем, было совсем неплохо. Правда, они ютились втроем в двенадцати квадратных метрах офицерского общежития, но это можно было перенести. Олегу Петровичу обещали квартиру, и хотя воевать он умел значительно лучше, чем выпрашивать подачки в начальственных кабинетах, были все основания, что рано или поздно дадут. Правилова перевели в резерв, но и с этим он бы, пожалуй, смирился. Главная проблема заключалась в том, что Олег Правилов потерял стимулы. Смысл жизни куда-то исчез, причем так быстро и без следа, словно его вовсе не было. Правилов спрашивал у себя,

неужели так было всегда, *«неужели, я, черт побери, не задумывался, вот и все?»,* и не находил стоящего ответа. В конце концов, он был служакой, а не философом. Страна, которой Правилов служил искренне и безотказно, верой и правдой, как ударник бойка, рассыпалась, на поверку оказавшись чуть ли не проклятой империей зла. Все ее победы выявились, по меньшей мере, дутыми, или оплаченными неоправданно дорогой ценой, в соответствии с известной песней из кинофильма «Белорусский вокзал»:[12] «А нынче нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим…». Стоило ли платить ту цену, Правилов теперь толком не знал, хотя раньше ему казалось, что стоило. Былые кумиры обернулись кровожадными вампирами, и на свету превратились в прах. Политики твердили про новое мышление, но, на фоне всеобщего разложения их слова звучали как издевательство. Правилов не понимал, что имеется в виду. Повторимся, он был служакой, из тех, о ком писал еще Лермонтов:

Полковник наш рожден был хватом,
Слуга царю, отец солдатам.
Да жаль его, сражен булатом,
И спит в земле сырой.[13]

В конце восьмидесятых Правилов порой жалел, что его

[12] Кинодрама режиссера А.Смирнова, Мосфильм, 1970. В ролях Е.Леонов, А.Папанов, В.Сафонов, Н.Ургант и др.

[13] Из стихотворения «Бородино» (1837) М.Ю.Лермонтова (1814–1841)

пощадил упомянутый поэтом смертоносный булат, и он не улегся в родной чернозем. И дело с концом. Возможно, ему смог бы помочь психолог, но, на дворе стояли те времена, когда желающего побеседовать с психологом скорее всего отправили бы к психиатру. А между тем, пустота внутри глодала его изнутри как болезнь. Ее требовалось чем-то заполнить, и вот тут Правилов крепко ошибся, посчитав водку неплохим наполнителем. В результате он потерял семью.

* * *

– Получи, сучка! – орал Правилов, награждая Настю увесистыми тумаками. Впервые за все супружество. Анастасия, как и любая женщина, разбалованная мужем, ни разу в жизни не распускавшим руки, была просто оглушена. К счастью, он сохранял какую-то долю вменяемости и бил не во всю силу, так что до больницы, в конце концов, не дошло. Лиля не застала начала скандала, она только вернулась с занятий. Оставалось предположить, что отец крепко выпил на кухне в компании какого-то незнакомого майора, а мама сделала замечание. Анастасия Титовна пришла с базара, груженая сумками как вол. Раздражение заставило ее позабыть о том, что давить на совесть совершенно пьяного человека по-крайней мере бесполезно, а иногда еще и небезопасно. Настя этого почему-то не учла.

– Я тебе, корова неумная, покажу, где, блядь, твое ме-

сто! – услыхала Лиля еще с лестничной клетки. И побежала на голоса. Она увидела мать, к тому времени повалившуюся на пол. Отец стоял над ней с тупым лицом и стеклянными глазами ожившего манекена. Лиле показалось, что он замахивается, и она бросилась к нему, визжа.

– Папа, что же ты делаешь?! – Лиля повисла на руке отца, но он стряхнул ее легко, как пушинку.

– Подонок! – страшным голосом завопила Анастасия. Возможно, не стоило так орать, но, кто при таких обстоятельствах просчитывает ситуацию на несколько шагов вперед. Вопли воздействовали на Правилова, как красная тряпка тореадора. Наклонившись, он схватил жену за волосы. Настя хрипела от боли и вырывалась, извиваясь, словно щука на крючке. Олег Петрович дал ей пару затрещин.

– Что ты делаешь, гадина?! – Лиля вскочила на ноги. Она впервые обозвала отца так грубо. Да и вообще обругала.

Лиля метнулась к отцу, молотя его прямо по лицу. По такому родному лицу, теперь ненавистному и чужому. С таким же успехом она могла попытаться расшатать кирпичную кладку. И все же отец выпустил мать. Схватил Лильку за голову и толкнул лбом в дверь. Со звоном посыпалось толстое рифленое стекло. Лиля, хрипя, повалилась на пол.

Потом он, конечно, молил о прощении, и даже падал перед ними на колени. А затем, непрощенный, сидел на кухне, с белым лицом и дрожащими руками. Протрезвления всегда паскудны, в особенности, если приходится краснеть, сожа-

леть о содеянном, а то и вообще хвататься за голову: «Я?! Я это сотворил?! Да не может такого быть!»

Мама проплакала остаток дня, улегшись на кровати в спальне, служившей Правиловым также и гостиной, и детской, и столовой, и еще кабинетом товарища Правилова. Когда настало время ужина, она молча вышла на кухню. Как бы там ни было, а ужин дело святое, и офицерские жены понимают в этом толк. Лиля осталась сидеть в уголочке, подперши коленками подбородок. Слезы почти высохли. Зеленка на лбу тоже. Ей еще повезло, что это были все следы от стекла. Им всем повезло. На кухне отец пробовал заговорить с матерью:

– Ну… прости, Настенька… прости…

Гробовое молчание под аккомпанемент перемещаемых кастрюль и сковородок. Голос отца был жалким и подавленным, какого Лиля еще не слышала. Впрочем, такого как днем – тоже.

Они ужинали в тишине, как на поминках. В определенном смысле, так и было. Просто Лиля еще не поняла. Она только чувствовала, что отец был бы рад и вовсе отказаться от еды, но опасался усугубить ситуацию. А мог уже не опасаться.

Наблюдая исподтишка за родителями, девочка с тоской вспомнила, какими шумными и праздничными порой выдавались трапезы в их семье, куда частенько захаживали на огонек сослуживцы. Отец вообще тяготел к веселым компаниям, а мама всякий раз готовила, что называется на бата-

льон, если и не ведрами, то не многим меньшими емкостями. Отец, вставая из-за стола, удовлетворенно похлопывал себя по животу, и перечислял гостей голосом диктора с Центрального телевидения:

– На обеде в честь ее высочества принцессы Ликушки присутствовали: гвардии подполковник Правилов с супругой… гвардии майор такой-то, с погонами, капитан… Обед прошел в дружеской, непринужденной обстановке…

Тогда и в голову бы не пришло, что закончится вот так. Втроем, за убогим ужином, после драки.

* * *

– Он же совершенно ничего не помнит, – твердила на следующий день Лиля, умоляя маму дать отцу еще хотя бы один шанс. – Он же плакал, мамочка… Он же извинялся!

Сердце не камень, у большинства людей, по-крайней мере. Анастасия Федоровна дала Правилову шанс. Но, он его не использовал. Через неделю Олег Петрович продолжил.

Через месяц мать и дочь переехали в Минск, к отцу и деду.

* * *

Федор Титович Барановский принял их сердечно, а как же

иначе? Хотя и не удержался от шпильки.

– Говорил я тебе, Анастасия! Допечет тебя этот чертов солдафон. Ну-с, лучше позже, чем никогда.

Федор Титович, несмотря на преклонный возраст, еще трудился в медицинском институте. От операций ему пришлось отказаться, и руки, и глазомер стали не те. Довелось ограничиться лекциями, а на экзаменах профессор по-прежнему доводил студентов до инсультов. Чаяния Федора Титовича, несбывшиеся четверть века назад, перекочевали с дочки на внучку. Лиля с первого раза поступила в медицинский. Попробовала бы не поступить.

Анастасия подала на развод. Дело слушалось в городском суде, по новому месту жительства, Правилову пришлось приехать. Процесс не занял много времени. Совместного имущества у супругов не оказалось. Правиловы привыкли жить на широкую ногу, и на черный день не копили. Кто знал, что, когда он наступит, это даже облегчит процедуру.

Они вместе вышли из дверей суда. Им естественно, было в разные стороны. К дому Барановских направо. К вокзалу налево. Настало время расставания, ведь, в сущности, они уже расстались, а в суде просто соблюли формальности, поставив точку на бумаге. Но, момент все равно получился тягостным, из тех, что запоминаются надолго.

– Ну, что?… – первой нарушила тишину Анастасия. Она замечательно выглядела. Олег Правилов, закусив губу, под-

нял глаза к освещенным утренним солнцем крышам, прошелся по вершинам деревьев и, наконец, остановил взгляд на жене. Точнее, на бывшей жене. И пожал плечами.

– Ничего.

Последние несколько месяцев он только и делал, что пил, и это сказалось на лице. Ночь в поезде Правилов провел в компании бутылки «Столичной», утром не побрился, а у вокзала еще дернул пивка. От Анастасии все это не ускользнуло, как никак, до серебряной свадьбы дотянули.

– Пьешь?

– Пью, – согласился Правилов. Глупо было отрицать очевидное.

– Я хотела предложить тебе проведать дочь, но, даже не знаю… в таком виде… нужно ли ей это?

– А она знает, что я здесь?

– Нет, – поколебавшись, ответила Настя. И, поскольку он промолчал, добавила на повышенных тонах, – от тебя разит, Олег! Хотя бы до суда мог воздержаться?!

– Чихал я на твой сраный суд. Ясно? – сказал Правилов, подумав, что она стала другой. Совсем не такой, как прежде.

Круто повернувшись на каблучках, Анастасия зашагала прочь. Зашагала так запросто и решительно, что убила его наповал. Он ожидал чего-то иного. Хотя бы каких-то слов. Впрочем, кому они вообще надо? Проводив удалявшуюся фигурку жены долгим и полным тоски взглядом, Правилов уныло поплелся на вокзал. Ему чертовски хотелось выпить.

* * *

Обретя свободу, Анастасия поразительно быстро с ней распрощалась, выйдя замуж за доцента Лавриновича, которого профессор Барановский прочил себе в приемники. Отношения между ними были, как у хорошего отца с сыном, так что Федор Титович радовался вдвойне. Свадьбу сыграли дома, без помпы, в узком семейном кругу. Правилова, естественно, не звали. Мы не в Европе, с ее обескураживающим порой либерализмом.

Сидя за праздничным столом, Лиля Правилова пребывала в шоке. Скоропалительное замужество матери похоронило надежды на воссоединение родителей как бетонная плита, упавшая на туристическую палатку. Вообще говоря, легкость и быстрота, с какими госпожа Правилова превратилась в госпожу Лавринович, породила в душе дочери подозрения. Промучившись пару дней, Лиля без обиняков спросила мать:

– Мама, а ты Вениамина Семеновича давно знаешь?

– Почему ты спрашиваешь? – насторожилась новоиспеченная госпожа Лавринович.

Если как следует поднапрячь извилины, то можно вспомнить, а, вспомнив удивиться. Где это все хранилось? Неужели в моей голове? А я ведь долгие годы не знал, что оно лежит спокойно на чердаке, и можно дотянуться, если по-

шарить на совесть. Впрочем, активация памяти далеко не всегда зависит от пользователя, смахивая скорее на поиски наугад в архиве, где потерялись регистрационные карточки. Вы забрасываете невод на глубину, но дно не доступно даже эхолоту, и какая глубоководная рыба попадется, остается только гадать. Лампы CD – проигрывателя перемигиваются, устройство считывает информацию с диска, оно греется и честно пыхтит, но канавки с цифровым кодом забиты и исцарапаны, так что монитор остается чист. Впрочем, если повезет, кое-что может появиться. Иногда обрывками, реже в виде картины.

– А почему тебя это интересует? – напряглась мать.

– А ведь я помню, – сказала Лиля. – Он, ведь и раньше к нам заходил. Всегда, когда мы у дедушки гостили.

– С чего ты взяла?! – это была вспышка, которая только подтвердила догадку.

– Он меня еще мороженым угощал. В кафе, в центре. Его еще в широких таких пиалах подавали, на длинной ножке. Оно еще в виде шариков было, политых вареньем или джемом. Я такого нигде больше не пробовала. – Продолжая выуживать подробности, как сачком из бачка, Лиля вспомнила, как оставалась на попечении бабушки, в то время как мама куда-то исчезала в компании этого мужчины. Поразительно, но ни бабушку, ни деда, исчезновения Насти не смущали. А Правилов не знал. Правилов был далеко. Правилов защищал Родину. По-крайней мере, думал, что защищает.

– У тебя с ним давно, ведь так?! – подловив родную мать на нечестности, пускай пятнадцатилетней давности, Лиля залилась пунцом. Ей стало так неприятно, будто она подглядывала в замочную скважину, и застала мать за нехорошим занятием. В определенной степени, так оно и было, только скважина располагалась в голове.

Теперь пришло время краснеть Анастасии Лавринович. По ее лицу дочка сообразила, что попала в точку. В самую, что ни на есть, сердцевину.

– Как ты можешь помнить?! – вспыхнула мать.

– И, тем не менее, это так! – отрезала дочь.

Анастасия Лавринович-Барановская сдалась.

– Да, это так. Хочешь об этом поговорить? – она опустилась в кресло, пригласив дочь последовать ее примеру. В квартире они были одни. Федор Титович укатил на дачу. Доцент Лавринович принимал экзамены.

– С Вениамином Семеновичем мы старинные друзья. Одногруппники, между прочим. Так что я с ним раньше, чем с твоим отцом познакомилась. Он… – Анастасия улыбнулась, – он был в меня влюблен. Безнадежно…

Но Лиля не приняла шутливого тона матери.

– Ты изменяла отцу. – Это не прозвучало вопросом. Все время изменяла. Ведь так? А бабушка с дедушкой тебя покрывали, потому что возненавидели папу с самого начала. Я же помню, тебя сюда как магнитом тянуло. Ты его обманывала здесь, вы все его обманывали, а отец даже приехать не

мог, зная, как к нему относятся. Тебя это вполне устраивало.

– Не смей так говорить! – глаза матери налились слезами. – Ты ничего не понимаешь!

– Куда уж мне! – Лиля решилась поставить точку. – Скажи лучше честно, ты давно хотела бросить отца, и только ждала повода, разве не так? Когда ему стало совсем тяжело, ты, наконец, решилась, и оставила его одного. Пропадать…

– Ты ничегошеньки не понимаешь, – Анастасия уронила голову.

– Я все понимаю гораздо лучше, чем ты думаешь! – сказала Лиля с вызовом. – Ты развалила НАШУ СЕМЬЮ. Мою семью, если хочешь знать. Ты не сказала, что подаешь на развод. Но ведь это и меня касается! А ты… ты скрыла даже то, что отец приезжал в Минск. Зачем?

– Он не захотел тебя навестить.

– Ты лжешь! – выкрикнула Лиля. – Отцу плохо, я это чувствую! И он совсем один. И, знаешь, что я сделаю?! Я уеду к нему. Сегодня же!

– Нет! – выдохнула Анастасия Лавринович, и Лиля подумала, что маму сейчас хватит удар.

– Уеду! – закричала Лиля. – Ноги моей здесь не будет! Живи со своим Веником паршивым. Глаза бы вас обоих не видели.

– Не смей так о Вениамине Семеновиче говорить! Он тебе в отцы годится.

– Он мне, к счастью, не отец!

– Он и есть твой отец, – сказала Анастасия. – Вениамин Семенович и есть твой настоящий отец, Лиля.

* * *

Тем вечером Лиля позвонила отцу.

– Ну, как ты там, доця? – спросил Правилов. Он только откупорил бутылку и очень рассчитывал, что она не заметит.

– У меня все нормально, папочка.

– Как учеба? Успеваешь?

– Да, папочка. А как у тебя дела?

Правилов сидел на такой мели, которая по всем направлениям казалась Сахарой, и вот, думал теперь, то ли подаваться на рынок в грузчики, то ли застрелиться, и дело с концом. *«Всем будет только лучше. Со временем».*

– Я в порядке, доця. – Правилов глубоко затянулся. – Как там мама?

– Ничего, папочка.

– Здорова?

– Здорова, папочка.

– Обо мне не вспоминает?

Лиля задержала дыхание.

– Вспоминает, папочка.

– Ругается?

– Нет, папочка, не очень.

– Домой возвращаться не надумала?

О замужестве Анастасии Олегу Петровичу никто не сообщил. И Лиля этого делать не собиралась.

– Пока нет, папочка. Но вообще, кто ее знает…

– Ты учись, дочка, – голос Олега Петровича дрогнул. – Маму береги. Ты за ней уж приглядывай там… Ладно?

– Пригляжу, папочка, – пообещала Лиля. – Ты себя береги. Хорошо?

– Так точно, – отвечал Олег Петрович. Повисла короткая пауза. Потом он добавил. – Ты уж прости, если что не так. Особенно, за тот случай…

– Папочка, я тебя очень люблю, – Лиля заплакала.

– Я тебя тоже люблю, – сказал Правилов и повесил трубку.

В тот вечер он был так близок к суициду, что смог заглянуть в собственное лицо, с засунутым в рот стволом. Это было как в зеркале, только без зеркала, и пистолет Правилов прижимал к виску, так сильно, что кожа побелела. Кто знает, чем бы все обернулось в ближайшие минуты, если бы не зазвонил телефон. Олег Петрович, отложив ПМ,[14] схватил трубку, думая, что это снова Лиля. Но это была не она. Правилов перепутал голоса, что не мудрено, – они были похожи.

– Алло, здравствуйте. Могу я поговорить с Олегом Петровичем Правиловым?

– Доця, это ты?

На другом конце провода произошло некоторое замешательство, а потом тот же голос, только утративший кажуще-

[14] Пистолет Макарова

еся спокойствие, произнес:

– Олег? Это Аня…

– Какая Аня?

– Олежек. Это Аня. Неужели не узнаешь?

– Аня? – *«Не знаю я никакой Ани»*. И тут его осенило. – Аня? Анюточка… Сестричка.

Анна Ледовая позвонила как раз вовремя, чтобы вытащить Олега Петровича из петли. Чтобы впоследствии он ее не спас.

* * *

– А я подумал, хотя бы на часок домой заглянешь… – разочарование тяжело скрыть. Правилову это не удалось. Они по-прежнему стояли на перроне центрального вокзала столицы. Вокруг бурлил людской поток. Провожающие махали отбывающим, прибывшие выглядывали встречающих, а носильщики сновали между ними с тележками, и кричали «Посторонись!» такими голосами, что и утес бы поспешил убраться с дороги. Дождь все падал и падал.

– Папочка, – Лиля Правилова, а точнее, уже Лиля НЕ ЗНАЮ КАК ФАМИЛИЯ ЭТОГО ПОГАНОГО ХЛЫЩА, сжала ладошками отцовскую руку. – Папочка, – она почувствовала, как расстроен отец, – я же тебе говорила. Поезд идет транзитом, всего полчаса остановка.

Отец попробовал изобразить улыбку:

– Значит, я не расслышал. Виноват.

Нас ждут сеньориты и Маргарита,[15] – сказал Валик с усмешкой, понравившейся Правилову еще меньше самого Валика. – Югославия, – страна контрастов.

«А не прихлопнуть ли тебе, дружок, пасть?» — подумал Правилов, жалея, что Валику не бывать его новобранцем. Вот бы побегал, так побегал.

– Давай, на обратном пути, – предложила Лиля отцу. – Я обязательно у тебя побываю. То есть, мы побываем. С Валентином.

– Хорошо, – согласился Правилов. – *«Будет лучше, если его унесетв море».* – Раз так, давай на обратном.

– Только не представляю, каким образом, – вмешался Валик. – У нас обратные билеты на самолет.

Лиля передернула плечами, сожалея о том, что позабыла. Или о том, что он сказал.

– Может, выберешься, как ни будь погостить? – спросил Правилов, игнорируя долговязого Валика. – Безо всяких транзитов? А?

– Конечно, папа. Обязательно.

– Только если мы не перебежим из Югославии на Запад. Большое, знаете ли, искушение, – добавил Хлыщ, и Правилов подумал, что сможет убить его одним хорошим ударом. В висок или область носа, именуемую в восточных боевых

---

[15] Коктейль, приготавливаемый на основе мексиканской кактусовой водки текила, апельсинового ликера, сока лимона и яичного желтка

искусствах треугольником смерти.

– Давай, хотя бы немного пройдемся, что ли? – предложил Правилов, и они побрели, не спеша, вдоль перрона. Дочь под руку с отцом, у них в хвосте Валик НЕ ХОЧУ ЗНАТЬ ТВОЕЙ БЛЯДСКОЙ ФАМИЛИИ, НЕДОНОСОК, и, на почтительном расстоянии быкообразные, шкафоподобные гориллы из секьюрити. Причудливая получилась процессия.

– Я так рада, что ты… – Лиля замешкалась, не подобрав нужных слов.

– Выкарабкался? – подсказал Правилов.

– Ну, я не так хотела сказать. Просто… – Лиля шмыгнула носом. – Просто боялась… что ты пропадешь… без мамы.

– Без тебя, – поправил дочку Правилов. – Без тебя, доця. – Он вздохнул. – Как она там? Счастлива, в новом браке?

Шила в мешке не утаишь. Хоть Лиля и скрывала от отца повторное замужество матери, ему все равно сказали. Добрые люди с длинными языками. А где-то спустя год после того, как мама поменяла фамилию, до них, через каких-то давнишних знакомых дошли слухи о том, что Правилов уволился из армии, какое-то время работал грузчиком, и, конечно же, пил по-черному, а затем очутился в рэкетирской группировке.

– Теперь целой бандой налетчиков верховодит. Отпетых, знаете ли, проходимцев, – сообщила всезнающая мамина подруга. – Олег твой.

– Во-первых, не мой, – поправила Анастасия.

Доцент Лавринович с профессором Барановским во время разговора как раз садились обедать. В столовой накрыли стол.

– Я никогда не сомневался, что он плохо кончит, – изрек Федор Титович и важно поправил очки. Вениамин Семенович еле заметно кивнул. Лилька, вспыхнув, выскочила из комнаты. Через месяц должна была состояться ее свадьба. Избранник Лили Валентин учился на том же потоке, что и она, и тоже происходил из семейки потомственных эскулапов. С медицинскими институтами это скорее правило, нежели исключение. Либо потомственные гиппократы, либо детки начальства средней руки, либо пролетарский набор от сохи. Для соблюдения процентного паритета.

Когда определялся список гостей, Лиля попробовала заикнуться об отце, но никто и слушать не стал.

– Вот что, дочь, – заявила Анастасия, отведя Лилю в сторону. – Имей совесть, хорошо? Вам с Валиком еще учиться и учиться. А потом, дай Бог, аспирантура. С дедушкиной помощью. Припекло замуж, я не против. Мы с отцом и слова тебе не сказали. А ты знаешь, во сколько нам ваша затея обошлась. Банкет в ресторане, машины, оркестр. Везде зеленый свет. Ну, так и ты соображай, что творишь. Мы с папой…

– Веник мне не отец! – выпалила Лиля.

– Сдай тест, если есть сомнения, – ледяным тоном посоветовала мать.

– Вот мой тест. – Лиля взялась за сердце. – И оно гово-

рит…

– С тобой говорит твоя глупость! – заверила госпожа Лавринович. – На свадьбе будут родители Валика, весьма достойные люди, и мы с папой, со стороны невесты. И не ставь нас в четвертую позицию. Это блажь, а блажи не выполняются. Понятно? Веришь ты, в конце концов, или нет, это твое дело, а Олег тут и даром никому не нужен. Обойдемся как-нибудь без пьяных драк, вымогателей, дебоширов и поножовщины.

Лиле пришлось уступить. В свадебное путешествие молодожены отправились на Южное побережье Кавказа. Для папы Валика, крупного туза из городской санитарно-гигиенической службы, разжиться парой престижных путевок не составило большого труда. Только по приезде с моря Лиля собралась с силами и позвонила отцу:

– Папа, а я вышла замуж.

А еще через год тот же всемогущий санитарно-гигиенический свекор снова добыл путевки, теперь на Балканы, к ласковому Средиземному морю. Белградский поезд следовал через Киев транзитом. Вот так и встретились отец и дочь первый раз за много лет.

Они дошли до конца перрона. Дальше тянулись бесконечные пути, куда-то за горизонт, и не менее бесконечные линии проводов, туда же. Правилов молчал, ссутулившись.

– А помнишь, папа, как мы через Байкал ехали? – сказала Лиля, чтобы хоть немного отвлечь отца.

– Конечно, помню, – оживился Правилов. – Ну, у тебя и память. Ты же крошечная совсем была.

– Ничего не крошечная, – засмеялась Лиля. – Я помню, поезд медленно-медленно шел. А вода о рельсы плескалась.

Так и было, – согласился Правилов. – Это куогда меня с Дальнего Востока в ГСВГ[16] перевели. Перед Афганом…

– И рыбаки вдоль насыпи стояли. С рыбой. Как она называлась, папочка?

Олег Петрович наморщил лоб.

– Омуль.

– Ага, омуль. Мы еще с мамой на нее накинулись. – Лиля захихикала. – А она вонючая такая была. Все купе пропахло.

– Весь вагон, – подтвердил Правилов. – И не вонючая, а с душком. Так положено. Деликатес. Ясно?

– Ага, деликатес. Помню, как от этого деликатеса у мамы так живот прихватило, что она из туалета не вылезала.

– Ну, скажешь, – усмехнулся Правилов.

– Точно, папа, – развеселилась Лиля. – Остальные пассажиры ее убить были готовы, потому что не только она рыбой объелась.

– А помнишь, ты маме платок купил? Пушистый. Его еще крестьянка продавала. И просовывала через кольцо, чтобы показать, какой он тонкой работы.

Правилов почесал затылок.

– Этого я не помню.

---

[16] Группа советских войск в Германии

А в ГДР,[17] в седьмом классе, – Лиля сменила тему, – помнишь, как мы с ребятами на стрельбище пошли, погулять? Это когда там стрельбы начались. Они не знали, что мы там, и мы тоже не знали, что они палить начнут. А они как начали…

– Помнишь?! – передразнил Правилов. – Да меня чуть в звании не понизили! Когда выяснилось, чья дочка одноклассников подбила на полигоне погулять. – Правилов крякнул. – Да что там звание… Вас всех запросто могли убить!

– Но, не убили же, – возразила Лиля, припомнив, как они с ребятами вжимались в землю, а крупнокалиберные пули жужжали прямо над головами и сверху сыпались сбитые ветки и листья. – И потом, ну кто же знал?

– Действительно, кто же? – сказал Правилов.

– Папа, а ты ту девочку помнишь, которую маньяк убил? На Дальнем Востоке?

То была совсем давняя история, относившаяся ко времени службы Правилова в Забайкалье. Тихо свихнувшийся старший лейтенант заманил домой пятилетнюю девчушку, изнасиловал и задушил портупеей. Правилов как раз был на маневрах, когда ему сообщили, что в части случилась трагедия. Убита пятилетняя девочка. Имени девочки никто не знал и, один Бог ведает, что тогда пережил капитан Правилов, пока не добрался домой. К счастью для Правилова (если, конечно, позволительно выразиться таким образом),

[17] Германская Демократическая республика, то есть – Восточная Германия

жертвой маньяка оказалась соседская девчушка. Лиля была жива и, перепуганная насмерть сидела дома. Маньяк ударился в бега, скрывшись в Уссурийской тайге. Поговаривали, что он намеревается перейти границу с Китаем, чтобы избежать расплаты. За негодяем снарядили погоню, в которой, естественно, участвовал и Правилов. Вообще, добровольцев оказалось в избытке, как среди офицеров, так и вольнонаемных из городка.

– Папа, а это правда, что именно ты того маньяка поймал?

– Правда, – неохотно признался Правилов.

– И что ты с ним сделал?

Олега Петрович помрачнел. Маньяк-то не дожил до суда.

– Почему ты вспомнила? – пробурчал Правилов. – Не надо такое вспоминать.

– Я часто о той девочке думаю, – проговорила Лиля. – Особенно, в последнее время. Понимаешь, мы же были подружками. Из одного песочника. Только она умерла, а я вот живу…

Правилов обнял свою девочку.

– Такая судьба, – продолжала Лиля. – Мне жить, а ей – нет. У нее украли игру в резинки, выпускной бал, и остальное все. Все украли. Даже ведерко для пасочек. Она так и не узнала любви, не встретила свою половинку, она никогда не услышит слова «мама», понимаешь? Мы вот живем, а она… она НАВСЕГДА ОСТАЛАСЬ В ПРОШЛОМ.

– Господи… – Правилов растерялся. – Зачем ты об этом

говоришь, доця? Что было, то прошло.

– Я беременна, папа, – сказала Лиля.

Глава 3
БЕЗНАДЕГА

Поздний вечер пятницы, 11.03.94

Площадку у банка освещали фонари, закрытые никелированными колпаками. Света было даже больше, чем нужно. Как на футбольном поле во время вечернего матча. Город вокруг терялся во мгле. Неоновые готические буквы, каждая в рост человека: **«Бастион-Неограниченный кредит, вечный среди бренного»**, висевшие над парадным входом, заливали фасад мертвым синим сиянием.

«Как в операционной», – подумал Андрей, содрогнувшись. – Саша? Ты уверен, что мне надо идти?

– Иначе бы мы сюда не приехали, – отрезал Атасов, и потрепал Андрея по плечу. – Шевелись, парень. Не заставляй Поришайло ждать. Олигархи этого не любят.

– Вы останетесь, пока я не выйду?

– По-любому, зема, – заверил Вовчик. Эдик кивнул. Протасов махнул рукой. – Двигай, Андрон. За нами не заржавеет.

Андрей вылез из «Линкольна», стоявшего на самом краю площадки, прямо у дороги, поднял воротник, ссутулился.

– Пожелай мне удачи в бою… – еле слышно сказал он.

– Желаю, – сказал Протасов. – Давай, чеши.

* * *

– Заходи, – наконец буркнул Артем Павлович и Андрей, битый час маявшийся у двери, шагнул к столу для совещаний, который бы вполне сгодился для обустройства взлетно-посадочной полосы. Вообще, кабинет поражал воображение, напоминая какой нибудь гулкий грот из подземелья Минотавра. Очевидно, размеры помещения должны были подчеркивать никчемность посетителей точно так же, как в Египте фараонов это делали пирамиды. Впрочем, и сам хозяин кабинета терялся у дальней, снабженной камином стены. Если он, при тщедушном теле, повелевал из таких хором, стоило задуматься, а не маг ли перед вами?

– Можно, Артем Павлович? – пролепетал Бандура, опасаясь вызвать эхо, способное привести к обвалу. Люстра высоко над полом напоминала летающую тарелку. Из тех, что описывают разные психи.

Поришайло отодвинул какие-то писульки, одарив молодого человека холодным взглядом поверх очков. Холоднее речной воды, в которой он только чудом не утонул с утра.

– Догадываешься, зачем позвал? – осведомился Поришайло. Две длинные шеренги стульев стояли безукоризненно, как солдаты в строю. Можно было подумать, что когда тут проводятся совещания, цена вопросов касается существова-

ния Вселенной. На худой конец, Солнечной системы.

Поришайло поправил очки. Глаза за толстыми стеклянными линзами казались двумя ледышками.

«Впрочем, – неожиданно подумалось Андрею, – *если б тебя в подземном переходе посадить, с гармошкой и перевернутой шляпой, магнетизма было б поменьше».* Мысли были крамольными, Бандура немедленно их прогнал. Кто знает, не телепат ли, Артем Павлович, ненароком?

– Нет, Артем Павлович, – почти шепотом сказал Андрей. Мне это неизвестно.

– Неизвестно, значит… – Поришайло позволил себе бледную тень улыбки на тонких, как шнурки, губах. Глаза оставались стеклянными. Бандура хотел потупиться, занявшись изучением ореховой столешницы, но, все же решил, что это будет невежливо.

– Подумать, гм, такой уважительный. – Продолжил Поришайло. – Прямо мухи не обидит. – Он покачал головой, и, неожиданно, повысил голос: – Может, хватит, гм, комедию ломать?!

– Какую комедию, Артем Павлович?

Лицо Поришайло посерело. *«Фиговый признак»,* подумал Андрей. И не ошибся с прогнозом.

– Целку из себя строишь?! – крикнул Поришайло, и звуки его голоса заметались под сводами. – Я тебе, б-дь, устрою целку! – Поришайло, отодвинув ящик письменного стола, извлек обыкновенную канцелярскую папку на тесемочках,

украшенную большими буквами **ДЕЛО №**, оттиснутыми типографским способом. Советские папки все такие, а какое уж будет дело, кулинарное там, или, например, уголовное, жизнь покажет. Развязав узел, олигарх вынул несколько черно-белых фотографий.

– А ну, гм, иди сюда.

Андрей медленно подошел.

– Что, г-м?! Чует собака, чье мясо съела? – осклабился Поришайло. – Узнаешь?

Остов сгоревшей «Лады» снимали, очевидно, со вспышкой. Закопченные стены гаража Бонасюков он бы узнал из тысячи других. И, все же, сподобился изобразить недоумение.

– А что это, Артем Павлович?

Поришайло закусил губу.

– Это гараж на Оболони, – сказал он вкрадчиво, где ты убил и сжег двух милиционеров.

– Я?! – ахнул Андрей. – Откуда такая уверенность?

– Я тебе расскажу, откуда! – многообещающе проговорил Артем Павлович. – Тебя, твою мать, милиция ищет.

– Меня?!

– Тебя, б-дь, гм, – подтвердил Поришайло. – Тебя, мудака. По подозрению в двойном убийстве. Оперуполномоченных милиции капитана Журбы, г-м, и старшего лейтенанта Ещешина. Их, г-м, б-дь, живьем спалили. Прошлой ночью. Ты и спалил…

Андрей был бы рад присесть, ноги совсем не слушались.

«Как же ты докопался? – спрашивал себя Андрей, лихорадочно просчитывая варианты. – *Свидетелей же, кажется, не было».*

Следующее предположение ошеломило Бандуру:

«Неужели милиция взяла Планшетова?! Его трухнули, он и раскололся?»

– Тут, б-дь, и думать нечего! – повысил голос Поришайло. Андрей подметил, что чем шире растягиваются его губы, тем холоднее становятся глаза. – Ты, б-дь, с Кристиной Бонасюк шуры-муры крутил, г-м, при живом муже?!

Андрей открыл и закрыл рот.

– Вот и порешил, обоих. Ты, Бандура, у полковника Украинского, как, блядь, заноза в жопе. Ты, гм, его достал, герой!

– Я… – начал Андрей.

– Головка от буя! – зарычал Артем Павлович. – Где два трупа, там и три?! Так, Бандура?! Бонасюк Василий Васильевич – твоя работа?

Кожа Андрея покрылась липким потом.

– Милиция нашла труп. Ты его кончил, по глазам твоим паскудным вижу.

– Артем Павлович! – взмолился Бандура.

– Цыц! – рявкнул Поришайло. Взял ладони в замок и вывернул с громким хрустом. Андрей бы мог поклясться, что теперь олигарх выглядит довольным, как кот, слопавший хозяйский творог. – Ты, гм, со своим приятелем, как его, на-

помни… – Артем Павлович выжидающе поглядел на Андрея, но тот, как воды в рот набрал.

– Ну, да я без тебя знаю. С этим, б-дь, с Протасовым, – Артем Павлович, торжествуя, сверкнул очками, – опрокинули, понимаешь, банк. Ты, б-дь, знаешь, что с такими, как ты делают, за хищение государственных средств в особо крупных размерах, так сказать?

– Да я ни сном, ни духом, Артем Павлович…

– Доктору расскажешь, – оборвал Поришайло. И нагнулся к селектору.

– Оксана, гм, Украинский пришел?

Пока Артем Павлович обменивался фразами с невидимой секретаршей, Бандура испытал чудовищное искушение абсолютно все свалить на Протасова, и пускай расхлебывает, как знает. Чтобы не сделать этого, молодой человек прикусил язык.

– Артем Павлович, – робко позвал Андрей. – Не надо Украинского! – Давайте, как-то с вами, тут, на месте, договоримся…

– Договоримся? – поджал губы Поришайло. – О чем мне, б-дь, с тобой договариваться, урод? Да на тебе, б-дь, клейма негде ставить, гм!

Поришайло уселся в кресло и взялся перелистовать какие-то бумаги, обращая на Андрея не больше внимания, чем на табуретку или этажерку с пухлыми канцелярскими папками.

– Артем Павлович? Не сдавайте меня. Я вам отработаю!

– Отработаешь? – Поришайло, не поднимая головы, принялся делать в бумагах какие-то пометки. – И что, мне тебя, на Окружной дороге поставить, как, гм, понимаешь, девицу? А кому ты на хер нужен?

– Артем Павлович, ну, пожалуйста!

На столе олигарха ожил селектор.

– Артем Павлович? Прибыл Сергей Михайлович, – безучастным голосом автомата сообщила секретарша.

– Пускай, гм, зайдет.

– Артем Павлович! – взмолился Бандура. – Все, что только скажете!

Поришайло вскинул брови.

– Да зачем ты мне, гм, спрашивается?

– Зачем угодно! – затараторил Андрей. – Я же летом добыл бриллианты… Я, только скажите…

– Я, я… – передразнил Поришайло, делая Андрею знак замолчать. Наморщил лоб, будто подыскивая требуемую мысль, а затем неожиданно повернулся к селектору:

– Оксана?

– Да, Артем Павлович?

– Скажи полковнику, чтобы обождал.

* * *

Когда, через сорок минут, Андрей на негнущихся ногах

покинул кабинет Поришайло, полковник Украинский, в приемной, устал ждать. Они столкнулись нос к носу, впервые после памятной встречи в Гробарях. Бандура почти не помнил лица полковника. Сергей Михайлович в мельчайших деталях изучил лицо молодого человека по фотографиям.

Сергей Михайлович смерил Андрея взглядом, полным холодной ненависти. Бандура посторонился, решив, что на сегодня лимит неприятностей исчерпан. Украинский как будто собирался что-то сказать, но в дверь кабинета приоткрылась, Артем Павлович выглянул в приемную.

– А, Сергей Михайлович, – протянул олигарх, – давай, гм, заходи.

Украинский, не сводя глаз с Андрея, последовал приглашению.

– Бандура, гм, – продолжал Артем Павлович, пожимая протянутую полковником руку, – ты еще здесь?

– Тут, Артем Павлович.

– У тебя отец, гм, если мне память не изменяет, с Правиловым в Афганистане служил?

– Да, Артем Павлович.

– Ныне в ПГТ Дубечки проживает? В Винницкой области? Улица Советская, гм? Пасека у него, кажется?

– Вы прекрасно осведомлены, Артем Павлович, – глухо ответил Андрей.

– Ну, вот и хорошо, гм. – Поришайло потер руки. – Это я так, память проверяю. Увидишь отца, привет передавай. От

Правилова.

– Обязательно передам, – пообещал Андрей.

– Не годится афганскому герою, гм, в земле ковыряться. Правильно я говорю, Сергей Михайлович?

Украинский скупо кивнул.

– Как дело сделаешь, вернемся с тобой, к этому вопросу. А пока – ступай, гм.

Поришайло и Украинский прошли в кабинет.

* * *

– Все сделал? – спросил олигарх, когда они остались наедине.

– Так точно, – отвечал полковник.

– Без шума вышло?

– Попробовали бы только пошуметь… – полковник разочарованно вздохнул. В задержании пассажиров «Линкольна», доставившего Бандуру в банк, участвовали три группы захвата. Те же, кстати, что упустили бандитов утром, в дачном поселке «Сварщик», у устья Десны. *«Стоило, спрашивается, копья ломать,* – думал Украинский, – *черт бы побрал Артема Палыча. Семь, б-дь пятниц на неделе».* Правда, если расставленные утром силки были стопроцентной инициативой полковника, охотившегося за исчезнувшими на Братской деньгами, то вечером ему пришлось выполнять приказ олигарха. Поришайло распорядился взять рэкетиров, Сер-

гей Михайлович взял под козырек. Все прошло на удивление гладко. Проходимцы и охнуть не успели, как очутились в «воронке». Почти никто никого не бил, разве что так, для проформы, врезали, самую малость, по мозгам.

– Куда доставил? К себе?

– Так точно.

– Всех взял?

– Атасова, Протасова и Арамейца, – перечислил Украинский.

– Г-гм, – причмокнул губами Поришайло. – Все те же три отморозка? Ну, пускай посидят. – Поришайло прошел к секретеру, извлек графин с коньяком, не спрашивая, плеснул в два стакана.

– По Миле Сергеевне у тебя что?

– Как в воду канула, – развел руками Украинский. – Но мы ищем, Артем Павлович.

– Ищем, – Поришайло залпом опорожнил стакан. Потянулся за графином. – Ищут они. Ты, Сергей, гм, хоть в лепешку расшибись, хоть, б-дь, как знаешь, короче, но, чтобы…

Украинский слушал молча. Это было еще ничего, в сравнении с тем, что ему довелось выслушать накануне ночью, когда он только доложил шефу об исчезновении госпожи Кларчук. Артем Павлович рвал и метал. Да что говорить, он просто лез на стену.

* * *

– Как это, блядь, исчезла?! – орал Артем Павлович в трубку.

– Подозреваем похищение, – выдавил из себя Украинский.

– Кем, гм, блядь?! Да ты, твою мать, в своем уме?!

– А хотя бы и этим подонком Бандурой…

– А на кой хрен она ему сдалась?!

– Ну, – замялся Украинский, – из мести, к примеру.

– Из мести, говоришь? – осведомился олигарх тоном, не предвещавшим ничего хорошего. – А чем она ему конкретно насолила?

– Ну…

– Палки гну, Сергей! Ты мне, б-дь, какого хера мозги ешь, а?! Ты меня что, вообще, гм, за пацана держишь?!

Крыть было нечем. Украинский помалкивал в трубочку, ожидая, когда гнев выйдет из шефа вместе с бранью. Он буквально валился с ног от усталости, его люди были повсюду, но, в результате гора родила мышь. Полковник ни в чем не преуспел.

Гараж Бонасюков выгорел дотла. Правда, экспертам удалось опознать трупы Журбы и Ещешина, однако, это было все, что удалось накопать. Огонь вылизал следы, свидетели трагедии отсутствовали. Как будто опера сами заперлись в

гараже, разлили бензин и чиркнули спичкой. Поиски хозяина «тройки», сначала наехавшей на Милу Сергеевну, а впоследствии сгоревшей вместе с милиционерами в гараже, тоже не дали результатов. Заводские номера кузова и мотора оказались перебиты, номерные знаки не числились в базе Госавтоинспекции. Точнее, числились когда-то, но были уничтожены по акту еще в позапрошлом году, при перерегистрации транспортного средства. «Областные гаишники, видать номера спихнули, а теперь мозги компостируют. – Высказался, по этому поводу Торба. – Ну, все, концы в воду. Хотя, скорее всего, Сергей Михайлович, машину бандиты угнали, когда на дело шли. Так что, тут мы до правды не докопаемся». Полковник тогда мрачно кивнул. Он придерживался того же мнения. Правда, машина, зарегистрированная на Кристину Бонасюк, нашлась в кювете, у старого кладбища. Как и труп самого Бонасюка, со следами автомобильного наезда. Думая о событиях в Пустоши, Сергей Михайлович морщился, как от зубной боли. Еще бы, только серийных убийств ему и не хватало, плюс истерички-неврастенички с двумя малолетними детьми, для, так сказать, полноты ощущений. Для полного кайфа, как когда-то говорили. Впрочем, нити и этого преступления опять-таки тянулись к Бандуре и его приятелям, Протасову и Волыне. Улик было недостаточно, что, впрочем, полковника не очень смущало. *«Конечно, если взять эту трощу, да потолковать, как следует,* – думал Украинский, хрустя костяшками пальцев, – *то при-*

знательные показания будут, конечно. Другой вопрос, зачем они надо?» Больше всего Сергея Михайловича интересовала судьба денег, похищенных у Милы Сергеевны на Подоле. Тот, кто ее переехал, тот и моих орлов приговорил. Тут и думать нечего.

* * *

– Смотри, Сергей, – злобно предупредил Поришайло, и Украинский сбился с мыслей, – смотри мне, гм, как бы до Милы Витряков с Бонимфацким не добрались. Понимаешь, какие будут последствия?!

– Маловероятно, Артем Павлович, – соврал полковник, который так не думал. Госпожа Кларчук в большей мере интересовала его, как фигурант операции с банком, ее роль была сыграна, причем, провалена в самом финале. *«Лучше бы ей совсем исчезнуть»,* – полагал Украинский, однако держал эти соображения при себе.

– Маловероятные, да? Это ты так считаешь?! А если, б-дь, ошибаешься?! Ты, Сергей, мне Милу хоть из-под земли, хоть откуда хочешь, гм, выкопай! – Поришайло сжал кулачки. – Имей в виду, гм, Сергей, если ты мне дело провалишь… Если просрешь! Понял, гм?! Так что, живую или мертвую… – ударение на последнем слове заставило Украинского вскинуть голову. Глаза Артема Павловича показались бездонными, как у вампира из американского ужастика. *«Мертвые не*

потеют, – промелькнуло в голове. – *И не болтают лишнего».*

Мила Сергеевна чрезвычайно много знала. В том числе и о планах физического устранения Бонифацкого, выражавшихся сформулированной еще Сталиным поговоркой: есть человек, есть проблема, нет человека, нет проблемы. Принимая во внимание давние связи госпожи Кларчук с Бонифацким и уровень доверия олигарха, Украинский не сомневался, что теперь она – настоящая бомба замедленного действия в руках того, кто выдернет чеку. Судя по всему, сделать это теперь было гораздо легче Бонифацкому или, например, Витрякову.

– Найди ее, Сергей! – заклинал Поришайло. – Что у тебя по этим отморозкам из Крыма? Есть сведения?

– Новых – никаких. – Покачал головой Украинский. – *«Если бы я был Витряковым, и захватил Милочку, то уже катил бы в Крым, под всеми парусами».*

– За яйца этого Витрякова сюда!

– Люди работают, Артем Павлович.

– Работники, б-дь, – тяжело вздохнув, Поришайло наполнил стакан в третий раз. Вопросительно посмотрел на полковника:

– Тебе плеснуть? «Хеннесси», гм?

Украинский отрицательно мотнул головой. Им еще предстояло обсудить много вопросов. Ситуация в Пионерске вышла из-под контроля, надвигался большой скандал, веро-

ятно, не без возбуждения уголовных дел по всевозможным фактам коррупции, уклонения от налогов и, естественно, хищений государственной и коллективной собственности. В столице тоже, помимо всякой мелюзги, вроде рэкетиров, забот хватало. Чего стоило только одно расследование СБУ, негласно проводившееся по факту убийства оперативников управления по борьбе с коррупцией.

– Ну-с, – сказал Поришайло, потирая руки. После третьего стакана он несколько оживился. – Давай, что там у нас дальше, гм, по повестке дня?

– Дальше Бандура, – с неохотой сказал Украинский. – Его поездка, так сказать. – Полковник тяжело вздохнул. – Зря вы все же ему, проходимцу, доверяете. Я бы… закрыл бы его, к херам… – кроме желания расправиться с Андреем Сергея Михайловича обуревало еще одно сильное чувство: нежелание ввязываться в авантюру, в которую его втягивал Поришайло. Тем более что последний, по мнению полковника, при любых раскладах имел десять отступных путей, чтобы выйти сухим их воды. В отличие от Сергея Михайловича.

– Я бы, я бы… – передразнил олигарх. – А с Бонифацким, б-дь, ты разбираться будешь? – Поришайло с такой ненависть поглядел на Украинского, что тот опустил глаза. – Смотри мне! Тут ты – головой отвечаешь. Чтобы твои архаровцы Андрея, гм, как положено, встретили, снабдили, чем надо, и, б-дь, прямо до цели сопроводили, как, гм, камикад-

зе[18]… – Поришайло задохнулся. – Уразумел?

– Так точно, – буркнул Украинский. – Только, Артем Павлович? Что, если Мила у Бонифацкого? Тогда он уже – все знает…

– Ты ж говорил, маловероятно?

– Но, возможности-то исключать нельзя…

Поришайло какое-то время думал:

– А что мы, в конечном счете, потеряем? – осведомился он наконец. – Молокососа, гм? Невелика потеря. – Артем Павлович опустился в кресло. – Люди-то твои, надежные? – ворчливо осведомился он. – Те, что в Крыму?

– Так точно, Артем Павлович, – сказал, без энтузиазма полковник. – Орлы. Завтра прямо у трапа самолета его встретят. Ну и… – Украинский выдержал многозначительную паузу.

– Как думаешь по срокам, Сергей?

– Думаю, в пару дней уложатся.

Поришайло снова потянулся за «Хеннесси».

– Значит так, Сергей. Когда молокосос дело сделает, к чертовой матери его, гм. Смотри только, чтобы тихо-мирно.

– Так и будет, Артем Павлович. Шум нам – без надобности.

– Ну и ладно. – Прикрыв глаза, Артем Павлович откинул-

[18] В переводе с японского – «Ветер богов», по легенде не раз спасавший страну Восходящего солнца от завоевателей, например, от монголов. Во Вторую Мировую войну так называли летчиков-самоубийц, подымавшихся в небо специально, чтобы таранить американские корабли или другие крупные объекты

ся в кресле. – Теперь, что там у нас по Пионерску?

* * *

Как только дверь кабинета захлопнулась, Андрей поспешил наружу. Поручение Артема Павловича оглушило его, будто разрыв фугаса, а, слабо завуалированная угроза насчет отца окончательно добила. Теперь он мечтал только о том, чтобы все, как на духу, выложить Атасову. На Атасова всегда можно было положиться. Атасов откуда-то знал, что делать, и в худших переплетах.

Преодолев три лестничных пролета, молодой человек показал рослым охранникам пропуск и очутился на свежем воздухе. Пока он разговаривал с Поришайло, на город опустилась ночь. На улице стемнело. Андрей остановился на ступеньках, закурил, и принялся выглядывать «Линкольн» Армейца. Но, ни на стоянке, ни у тротуара, машины не было. Бандура в растерянности обогнул угол здания, не понимая, куда это подевались друзья.

«Что за свинство? – думал Андрей, горбясь на холодном ветру. – *Ведь договорились, кажется».*

Через пятнадцать минут его терпение лопнуло, – «*нет, так нет»,* решил Андрей, и поднял руку, собираясь поймать попутку. Стоявший напротив банка таксомотор немедленно отвалил от тротуара. Андрей, вообще-то предпочитал грачей, которые и дешевле, и ничуть не хуже.

– Хотя, какая разница? – подумал Андрей лениво. – Потеряв голову, глупо плакать по прическе… – стресс, полученный при разговоре с олигархом, постепенно проходил, оборачиваясь каким-то заторможенным, напоминающим вату состоянием. Очень хотелось выпить. И, еще больше, спать.

Когда такси было в паре метров от Андрея, дорогу ему лихо срезала темно-зеленая «четверка».

– Садись, – предложил водитель, хулиганского вида парень в джинсах и старом свитере.

– Градинская, – Бандура назвал адрес, выслушал требуемую цену, кивнул. Было действительно недорого.

Сзади донесся протестующий клаксон таксиста.

– Быстрее соображать надо, – сказал хулиганистый водитель, и сунул кассету в шахту. Из колонок грянул «Парк Горького».[19] Эти ребята играют так, что, каким-то образом стимулируют быструю езду. Таксист бросил сцепление и дал газу. Машина с визгом устремилась вперед. Бандура сообразил, что на Троещину прокатится с ветерком.

* * *

– Как, упустили?! – не поверил ушам Украинский вечером того же дня.

– Шут его знает, как вышло, товарищ полковник, – оправ-

[19] Рок-группа, созданная в 1987 А.Беловым при участии А.Минькова, А.Львова, А.Яненкова и Н.Носкова. Фактически распалась в 1998

дывались оперативники. – Левый какой-то грач его подобрал, прямо у нас под носом.

– Твою мать! – взбеленился полковник. – Вот дятлы, а?! Ничего нельзя поручить. Куда ж вы, на х… смотрели, когда он к грачу садился?!

– Не беспокойтесь, товарищ полковник, – подключился к разговору майор Торба. – Адрес у задержанных узнаем. Протасов и эти, дружки его, в камере дожидаются.

– Уже дождались, – заверил Сергей Михайлович.

* * *

Пока в кабинете Артема Поришайло решалась его судьба, сам Андрей, преспокойно добрался на Градинскую. Расплатился с таксистом и поднялся в квартиру Армейца.

– А где наши? – спросил он, увидев заспанного Волыну. Вовчик, от которого разило спиртным, как из разграбленного революционными матросами склада, промычал в ответ нечто невразумительное, но, все-таки Андрей разобрал, что от «наших» – ни слуху, ни духу.

Андрей завалился на диван. Веки казались намазанными клеем. Усталость, накопившаяся за последние дни, вскоре отрубила Андрея, как снотворное. Последней мыслью, посетившей сознание перед тем, как мозг погрузился в сон, было соображение о том, что выше головы, как говорится, не прыгнешь. Значит, как будет – так и будет.

* * *

раннее утро, суббота, 12 марта 1994 года

Утро выдалось холодным, но ослепительно солнечным. На бирюзовом небе ни пушинки. Правда, Солнце больше светило, чем грело. Впрочем, это обычное дело зимой. *«Утро стрелецкой казни»*,[20] – подумал Андрей, и замотал головой, прогоняя эту мысль. Распахнул форточку, подставил лицо обжигающе свежему потоку, хлынувшему в кухню. Снаружи веяло снегом и льдом. Странно, ведь они не имеют запаха.

– Брр, ну и достаточно. – Захлопнув форточку, Андрей поставил на плиту чайник. Долгое общение с Атасовым превратило его в кофемана, – М-да, интересно, – пробормотал он, прислушиваясь к шипению воды на огне, – пока пол литра не вылакаешь, чувствуешь себя, как авиалайнер с перепившимся экипажем.

«Черт знает, типа, что в кофейные гранулы намешано, – вздохнул как-то Атасов, – только я без них, как дизель без соляры».

– Да… – протянул Андрей. – Хотел бы я знать, куда вы

[20] Известная картина русского художника В.И.Сурикова, написана в 1881. На полотне изображена массовая казнь оппозиционеров-стрельцов, устроенная в 1698 молодым Петром I

ребята, запропастились.

Ни ночью, ни утром приятели так и не появились. Ни Атасов с компанией, ни Юрик, который, похоже, действительно утонул, хоть Андрей надеялся на обратное. Связь тоже отсутствовала.

После второй чашки кофе Андрей поглядел на часы. По утрам их стрелки вращаются особенно быстро. Не успеете почистить зубы, как пора выходить из дому.

– Восемь двадцать пять, хм.

До отлета осталось два часа, следовательно, не мешало поторопиться. В особенности, принимая во внимание особенности работы общественного транспорта, который, в те времена, как хотел, так и ходил. Бандура закурил, закашлялся, со злостью раздавил сигарету в пепельнице, и отправился будить Волыну. Но не тут-то было…

– Вовчик! Вставай, слышишь?! Вставай, кому говорю!

– М-м-м! Иди на хрен, блин, по-любому! М-м-м…

– Вот урод! Сволочь!

Плюнув, в конце концов, Андрей оставил Вовчика в покое, валяться в компании четырех бутылок из-под «Абсолюта». Нашел в прихожей блокнот и шариковую авторучку. Вернулся в кухню, достал вторую сигарету и, не зажигая ее, уселся писать записку. Она вполне могла оказаться прощальной, это обстоятельство мешало сосредоточиться. Одно дело письмо, иное – последнее письмо. Однако время поджимало, оставалось писать, как есть.

Саня. Ребята.

Понятия не имею, где вас носит. Надеюсь, что все в порядке. Ждать больше не могу. Вылетаю сегодня в Крым. По поручению Поришайло.

Где Кристина – не узнал. Зато Артем в курсе всех наших дел! На нас собираются всех собак повесить. И, короче, если я его поручение не выполню, то, похоже, можно ни о чем больше не беспокоиться. Зачем Артему голова Боника, лично я понятия не имею, но, только так и есть. И, похоже, если я его подведу, нам всем крышка.

Андрей.

Вздохнув, Бандура оставил бумагу на столе, придавив тяжелой керамической пепельницей. Накинул в прихожей куртку, проверил, на месте ли документы с деньгами.

– Перед смертью все равно не надышишься, – бормотал он, захлопывая дверь. Покидать квартиру хотелось примерно так же, как стрельцам с известной картины Василия Сурикова подниматься на эшафот. Но, ни у него, ни у них, не было выбора.

Глава 4
ЛИФТ НА ЭШАФОТ

За день до того, рассвет, пятница 11.03.94

Дорога в Крым стала для Милы Кларчук одним бесконечным кошмаром. Ночь преступники провели в машине, около трех утра въехав на территорию Херсонской области. Шрам бессменно просидел за рулем, будто был биороботом, а не человеком. Остальные бандиты беззастенчиво куняли. Время от времени с переднего сидения доносился медвежий храп Витрякова. Ногай дремал с полуоткрытыми глазами, как зверь. Забинтованный примостил голову у Милы на плече и дрых, по-детски причмокивая. Тяжелый запах пропитавшей бинты мази Вишневского угнетал Милу, но она помалкивала, понимая, что худшее впереди. А запах – так, цветочки.

Около половины четвертого Витряков встрепенулся и приказал сворачивать к морю.

– Давай на Скадовск. Перекимарим пару часиков. Там точка есть. Нормальная.

Филя возразил, заявив, что спать ему неохота, и он без проблем отсидит за баранкой еще четыре или пять часов. Сколько потребуется, чтобы добраться домой, в Ялту.

– Да мне, б-дь на х… по бую, хочешь ты там спать или танцевать! – озлобился Леня.

– Так я…

– Головка от буя! Поворачивай, говорю! Суку эту выпорем. По-моему, она уже заждалась. Дошло?

– А, – обиделся Филя. – Так бы и сказал.

Мила похолодела, сообразив, что вот оно, начинается. Даже раньше, чем она рассчитывала.

Вскоре они были в Скадовске. Городок мирно спал, убаюканный шелестом волн. Да и не сезон был, чтобы подниматься ни свет, ни заря. «Галант» выехал на пляж, распугав собирающихся к завтраку чаек.

– Штиль, – сквозь сон пробормотал Забинтованный. Он пригрелся на плече Милы Сергеевны, и совсем не хотел наружу. Мир за пределами кабины представлялся холодным и абсолютно безлюдным, как какой-нибудь айсберг или вообще астероид. Сонные волны лениво и словно нехотя лизали берег, словно море не собиралось просыпаться. Над водой стоял туман, плотный, как пуховое одеяло.

– Туда, – распорядился Витряков. Проследив за его рукой, Мила разглядела полтора десятка добротных кирпичных домиков, в окружении карликовых деревьев. Филимонов поддал оборотов, «Галант», вильнув кормой по мокрому песку, рванул к ним напрямую, через пляж.

Большинство окон оказались закрыты ставнями. Людей видно не было. Установленная над пляжем ржавая стальная

эстакада, служившая, очевидно, для доставки к морю водных велосипедов, придавала пейзажу промышленный колорит. Правое плечо эстакады опиралось на каменный хозблок, хранилище этих самых велосипедов. «Галант» обогнул крайние коттеджи и затормозил возле аккуратного двухэтажного дома, оказавшегося не по сезону обжитым.

– Порядок, – проскрипел Леня. – Приехали. Давай, посигналь, что ли.

Филимонов ударил по клаксону. Потом еще и еще раз. Пока, дверь не открылась, выпустив взлохмаченного мужичка лет шестидесяти с небольшим. Разбуженный весьма беспардонным образом, он щурился и часто моргал.

– Смотри, Леня, сейчас за ружбайку схватится, – посмеиваясь, предупредил Ногай.

– За х… схватится, – ощерился Филимонов. Леня опустил окно:

– Палыч, здоров. – Его голос подействовал, как магия. Мужичок, встрепенувшись, шагнул к машине:

– Леонид Львович? Здравствуйте. Не узнал вас.

– Ты ж меня знаешь, я всегда – как снег на голову.

– Когда вам только удобно, – расшаркивался Палыч. Перед Леонидом он держался заискивающе, чтобы не сказать подобострастно.

– Тогда вот что, – Витряков щелкнул пальцами. – Давай, номер организуй. С удобствами…

– Надолго к нам, Леонид Львович?

– Там видно будет.

– Пять минут, Леонид Львович, пять минут.

– Мухой давай.

Палыч со всех ног кинулся выполнять поручение.

– Водки и пожрать! – крикнул вдогонку Филимонов. Ногай и Забинтованный оживились.

– Что-то я засиделся. – Ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Витряков. Потянулся так, что захрустели кости, и полез из машины.

– Леня, ты куда?

– Пойду, облегчусь.

* * *

Ждать пришлось недолго. Палыч вернулся так быстро, словно вообще никуда не уходил.

– Домик, крайний у моря, – сложившись едва не пополам, доложил Палыч, передав Витрякову связку длинных ригельных ключей. – Постели я сухие застлал. Газовый котел включил. И два калорифера, чтобы вам зябко не показалось. Только, пока дом прогреется…

– Давай, – Витряков резким движением перехватил ключи.

– Кушать сейчас супруга приготовит, – еще ниже согнулся Палыч. – Через двадцать минут будет подано.

– Двадцать – пойдет. – Развернувшись, Витряков зашагал

к крайнему домику.

Палыч нырнул в дом, где на кухне уже вовсю шипела полная мяса сковорода. Пожилая супруга Палыча, поднятая с постели, как солдат по тревоге, развернула кипучую деятельность. Пока поросятина покрывалась нежнейшей розовой корочкой, женщина нарезала кругляшками лук и потянулась за сыром.

– Как у тебя? – спросил Палыч, смахивая пот со лба. – Может, помочь чего?

– Справлюсь, – жена отложила терку и повернулась к плите. – Отбивные надо перевернуть. А то подгорят.

– Видела, кто прикатил?

– А как же, – женщина осенила себя крестом. – Ох, и боюсь я их.

Палыч кивнул. Тут их мнения совпадали. Жена уложила лук поверх отбивных, присыпала сверху сыром. – Майонез подай.

Палыч вынул из холодильника четыре двухсотграммовые банки «Провансаля», вооружился ключом:

– Все четыре открывать?

Жена сделала утвердительный жест.

– Девушка с ними, – проговорила женщина, накрывая сковородку крышкой и устанавливая конфорку на минимум. – Одна на четверых. Глазищи – перепуганные.

– Я ничего не видел, – потупился Палыч. – Не мое это, старуха, дело. Меньше знаешь – дольше живешь.

– И не мое тоже.

* * *

Витряков втолкнул Милу Сергеевну в гостиную и одним ловким движением сорвал плащ. Мила осталась совершенно голой. Дрожа всем телом, она попятилась от двери.

– Холодно, – ощерился Витряков. – Сейчас согреешься, б-дь на х…

– Леня? Ребята? Не надо. Ну, пожалуйста…

Филя заиграл желваками, не отрывая глаз от ее аккуратно подстриженного лобка. Ногай нервно захихикал и потер ладони. Дима Кашкет переминался с ноги на ногу, глядя в пол.

– Двигай, – Витряков показал на приоткрытую дверь в спальню.

– Пожалуйста…

– Пацаны, – начал Кашкет нерешительно. – Вы это…

Мила почувствовала, что он колеблется. И шагнула к нему:

– Дима, пожалуйста!

– Вот, сука! – выбросив руку, Леня схватил Милу за волосы и потащил в спальню. Ногай заворожено проводил глазами ее упругие розовые ягодицы, мелькнувшие в дверном проеме.

– Пацаны, – повторил Кашкет еле слышно.

– Ты чего, Бинт, хочешь свою жопу вместо нее подста-

вить? – спросил Шрам. Забинтованный покрутил головой. Этого он не хотел.

* * *

Когда через десять минут Витряков вышел из комнаты, на ходу застегивая зиппер, Филимонов и Ногай встретили его раскрасневшимися физиономиями и похотливыми взглядами. Спальню и гостиную разделяла тонкая фанерная стена, скорее, даже перегородка. Тяжелое дыхание Леонида, вскрики госпожи Кларчук и ритмичный скрип пружинного матраца подействовали на них, как транквилизатор.

– Ну, как, Леня? – осведомился Шрам, сглатывая.

– Никак, б-дь на х… – Витряков со злобой саданул табуретку, и она упала на бок. Прошел мимо стола и опустился в кресло.

– Не дала? – не удержался Шрам. Ногай громко заржал.

– Палыч, что, жрачку не приволок? – спросил Леня, темнея лицом.

– Так рано еще, – сверившись с часами, сказал Филя и прикусил язык под испепеляющим взглядом Витрякова. Ногай стянул свитер через голову.

– Ладно, я пошел.

– Почему это ты, первый? – Филя приподнял бровь.

– Валите вдвоем, она не против, – процедил Витряков, закусив губу. – Продуйте сучку в два ствола.

Филимонов и Ногай отправились в спальню. На пороге Шрам обернулся:

– Бинт, ты идешь?

Кашкет молча покачал головой.

– Ну и мудак.

* * *

Когда Палыч, с огромным подносом, заставленным тарелками и бутылками со спиртным, постучался в номер, ему открыл Забинтованный. Пропустив Палыча, Бинт вышел наружу и, с видом сомнамбулы, поплелся к берегу.

– Можно? – еле слышно спросил Палыч и кашлянул.

– Валяй, заходи, – разрешил Витряков. Леня развалился на диване, забросив обе ноги на стол, и курил, пуская колечки в потолок. Лицо Витрякова было непроницаемым, как у какого-нибудь египетского божества. Из спальни доносились возбужденные мужские голоса и отрывистые женские стоны.

«Это не мое дело», – повторил про себя Палыч и принялся на скорую руку сервировать стол. Расставил тарелки и бутылки, разложил вилки с салфетками. Справившись с работой, отступил на шаг и вопросительно посмотрел на Витрякова.

– Ой, ой, ой! – закричала из спальни женщина.

– Спину прогни, сучка! – посоветовал мужской голос. – А теперь жопой виляй.

– Что, хочется? – прищурившись, Витряков смерил Палыча взглядом.

– А?

– Хочешь, говорю? – Леонид показал на дверь спальни. – Так иди, почеши конец. Я сегодня добрый. А женщина бесплатно дает.

– Спасибо, Леонид Львович, – пробормотал Палыч. Чувствовалось, что он опешил.

– Спасибо да, или спасибо нет?

– Я, пожалуй, пойду, ладно…

– Вали, – холодно сказал Витряков. – Иди на х… – неожиданно заорал он. Палыч вылетел из бунгало, как пробка из бутылки. – Старый педераст!

* * *

– Ну, что там? – спросила супруга, когда Палыч вернулся в кухню.

– Кушают, – сказал он.

– А девушка?

– Не видел, – отвечал Палыч, и это не было ложью.

– Не нравится мне это, – покачала головой жена.

– Слушай, – он повысил голос, – твое дело стряпня, мое – белье менять! Ясно! Заладила: нравится, не нравится! Еще возьми, накаркай.

* * *

Когда через несколько часов Витряков приказал поднести еще четыре бутылки водки, Палыч обнаружил бандитов режущимися в карты. Не хватало только Забинтованного, ну так Палыч видел его на берегу. Молодой человек сидел на песке, и, не отрываясь, смотрел на море. *«Сколько можно там торчать?* – еще удивился Палыч, и, не долго думая, причислил Забинтованного к наркоманам. – *Обкололся, видать. Вот и штормит, теперь, по полной программе».* Вынув водку, Палыч заменил фужеры, собрал грязную посуду и пустые бутылки, и шмыгнул за дверь. Женщины нигде видно не было. Из спальни не доносилось ни звука.

* * *

Компания прокутила до вечера, убравшись восвояси около двадцати одного ноль-ноль. Палыч как раз собрался смотреть программу девятичасовых новостей НТВ, когда автомобильный клаксон под дверями заставил его подскочить, как от удара тока. Выглянув наружу, он увидел «Галант» Витрякова.

– На вот, – сказал Леня, бросая в окно скомканную сотку. Не успел Палыч нагнуться за деньгами, как машина сорва-

лась с места, обдав его мокрым песком.

– Ну, что? – спросила жена. Он стоял с банкнотой в руке, глядя на быстро удаляющиеся габариты «Галанта».

– Укатили, – сказал Палыч.

– Господи, спасибо тебе, – пробормотала жена, и снова перекрестилась.

– Пойдем, что ли, приберемся, – предложил Палыч.

* * *

Дверь домика осталась открытой нараспашку. На полу в гостиной их дожидались осколки разбитых бутылок, перевернутый стол и разбросанные повсюду карты.

– Скатерть прокурили, – всплеснула руками жена. – А ваза? Ваза кому помешала?

– Далась она тебе? – сказал Палыч, с содроганием заглядывая в спальню и ожидая увидеть тело несчастной женщины, со следами сигарет на груди и удавкой на шее.

– Фух… – он облегченно вздохнул. Комната, к счастью, была пуста. Живую или мертвую, но бандиты увезли женщину с собой. Правда, на постели бурели подозрительного вида пятна. В воздухе стоял концентрированный запах табака, водки и спермы.

– Отвезешь завтра в прачечную, – сказала жена из-за спины. Он не слышал, как она вошла.

– Завтра, – согласился Палыч.

Супруги приступили к уборке.

* * *

Глухой ночью «Галант» пересек городскую черту Ялты. Филимонов пролетел милицейский КП, почти не снижая скорости.

Вскоре они были в частном секторе, с дороги представлявшемся образованным бесконечными заборами лабиринтом. Сводом лабиринта выступало небо – темное, низкое и мглистое. Пока Филя открывал ворота и загонял машину во двор, Мила успела разглядеть, что дорога круто забирается в гору. Следовательно, они были на окраине.

Ее грубо вытолкали из салона, протащили по ступеням и бросили в темный и грязный чулан. Кто-то из бандитов не поскупился на хороший пинок, угодив точно по копчику. Мила повалилась на пол, извиваясь от боли.

– Забыл тебе сказать, ты круто порешься, сука, – сказал Филимонов, захлопывая дверь. – Может, мы тебя еще попользуем. Передохни пока.

Лязгнули засовы, чулан погрузился в темноту.

Где-то далеко яростно заливались собаки. В чулане пахло сыростью и землей. Как только затихли шаги бандитов, Мила сначала перевалилась на бок, а затем, после нескольких неудачных попыток, села, привалясь к шершавой стене. Тело ныло, не желая слушаться. *«Неудивительно,* – подума-

ла она, – *странно, как это я вообще что либо чувствую».* Ее связали еще в Скадовске, перед тем, как швырнуть в машину. Теперь запястья онемели и едва покалывали, скотч, которым воспользовался Филимонов, когда стягивал руки и щиколотки, держал крепче любых наручников. Мила бледно улыбнулась, подумав о Гарри Гудини, [21] которому посчастливилось умереть до изобретения липкой ленты.

«Хотела бы я посмотреть, как бы он…»

«Не хотела бы».

В конце концов оставив бесплодные попытки освободиться, она принялась ждать. Больше ничего не оставалось. Сон не шел к Миле, и это было странно. После перенесенных потрясений. Взвесить шансы тоже не получалось, – мешал страх. Липкий и тягучий. Сперма высохла и напоминала клей. *«От меня, наверное, разит, как от… от…»,* – она не знала, как от кого? В принципе, это было не так уж важно. Потом Мила вспомнила историю о цирковом фокуснике, умевшем останавливать сердце. И подумала, что эта способность пригодилась бы ей. Потому что умирать не всегда страшно. Бывает кое-что страшнее смерти. Мила попыталась приказать сердцу не биться, но то лишь застучало сильнее.

---

[21] Г.Гудини (наст. имя – Эрик Вейс), (1875–1926), знаменитый американский иллюзионист, многие трюки которого по сей день не находят объяснения. Даже смерть Гудини до сих пор волнует многочисленных исследователей, а его так и не обнаруженное завещание наделало много шума под конец столетия

* * *

И все же сон сморил ее, правда, это случилось уже под утро, незадолго до пронзительных воплей петухов, встречающих каждый новый день многоголосым хором так, будто он последний. Собственно, она и так продержалась на ногах поразительно долго, с учетом выпавших на ее долю испытаний. Наверное, потому, что была слишком взвинчена, наэлектризована, чтобы уснуть. Она решила, – этого никогда не случится, ведь есть несчастные, которые вообще теряют способность спать, их жизнь заканчивается смертью от нервного истощения. Сон долго подкрадывался к Миле, прячась за ухающим пульсом, за невероятным возбуждением бесконечного дня, а потом прыгнул на нее и сразил мгновенно, как пуля.

Правда, сон не принес ни облегчения, ни отдыха. Он оказался кошмаром, причем, Мила с ужасом удостоверилась, что ее подсознание способно транслировать ей многосерийные кошмары, нечто вроде сериалов, которые ежедневно идут по телевизору, околпачивая и без того задерганных людей. Впрочем, чего другого следовало ожидать? Если жизнь наяву превратилась в непрерывный фильм ужасов, то и Ии виртуальная составляющая соответствующая.

Сначала Мила снова, как и прошлой ночью увидела Протасова, Валерий гнался за ней по полю, сидя за рычагами

своего жуткого зерноуборочного комбайна, ярко-желтого, точь-в-точь как машина, которой ее сбили. Она побежала по стерне, не чувствуя боли, хоть изнеженные хорошей обувью пятки с непривычки оказались изранены в кровь. Затем Мила угодила в капкан, который оказался вытянутыми руками Вовчика по кличке Палач. Волына поймал ее за щиколотки и вцепился в них мертвой хваткой. Захлебнувшись в безмолвном крике, она все же вырвалась, а затем оторвалась от земли, как у нее всегда получалось в детстве, когда среди ночи приходил кошмар. Когда со всех сторон подступали чудовища, и единственный выход был – взлететь. Мила начала подниматься все выше и выше, Протасов с Вовчиком остались далеко внизу. «Отдай сумку, дрянь, хуже будет!» – кажется, кричал Протасов, в бессильной злобе, его вопли становились все тише, она постепенно удалялась. Милу Сергеевну охватило острое желание показать ему сверху средний палец, что она и сделала, захихикав. Впрочем, ее смех оборвался, как только она вспомнила, что должно вот-вот произойти. Естественно, ведь Мила видела повторение своего сна, прерванного головорезами Витрякова, которые ворвались в ее квартиру накануне, всего сутки назад. Госпожа Кларчук, наблюдавшая за развитием событий во сне со стороны, словно из зрительного зала, какой-то недремлющей частью своего мозга, с содроганием подумала, что сейчас, наверное, появится Леня, ее бесцеремонно разбудят, вытянут из постели, в чем мать родила, бросят в салон «Галанта» и повезут в Крым.

И это будет повторяться снова и снова, вся проклятая дорога, без конца, точно так, как случилось с героем американского фильма «День сурка»,[22] только ей придется гораздо хуже, поскольку его, по-крайней мере, никто не насиловал и не пытал. Однако Витряков, к счастью, не появился. Мила Сергеевна не выскользнула из объятий Морфея, замкнутый круг, в который угодил герой Билла Мюррея, разомкнулся, в сценарий, по которому развивался сон, оказались внесены изменения. Мила продолжила подниматься вверх, как какой-нибудь метеорологический зонд из тех, которые некоторые впечатлительные граждане частенько принимают за НЛО. Теперь, когда ей больше не угрожал Протасов, со своим кошмарным дружком, Мила даже немного расслабилась. Впрочем, по мере того, как расстояние до поверхности земли росло, на смену ему пришла боязнь высоты, и скоро ее охватила такая паника, что она рисковала раствориться в ней без остатка.

«О Господи, я же сейчас упаду! – крикнула она, отчаянно болтая ногами.

«Ерунда! Здесь, во сне у тебя нет тела! А души, как известно, не падают! – это была неплохая мысль, ободряющая, но на смену ей немедленно пришла следующая, полная тревоги:*«Тогда как быть с падшими душами, дорогуша?»*

– Мамочка! – истошно завопила Мила Сергеевна. – Ма-

---

[22] «Groundhog Day», 1993, фильм режиссера Х.Рэмиса, в роли телеведущего Фила Коннорса актер Билл Мюррей

ма! – в предвкушении падения она зажмурилась.

– Тихо, дамочка, не дергайтесь! – сказал кто-то невидимый, у нее за спиной. Мила, от неожиданности, вскрикнула, забившись еще сильнее.

– Да успокойтесь вы, говорю! Вывалитесь, пеняйте на себя, кхе-кхе! – голос был каким-то странным, словно шел не изо рта, а, скажем, из клюва размерами с чемодан. Тем не менее, Мила решила внять и, с большим трудом все же взяла себя в руки.

– Вот, молодцом, – похвалил невидимый собеседник. – Вот и правильно. Сидите себе тихо. Точнее, висите, кхе-кхе. Тут высота такая, я вам доложу… – он присвистнул, чтобы подчеркнуть, высота действительно головокружительная, – если колдырнетесь, дамочка, такие последствия будут, летальные, никто не склеит. Летальные последствия полета, кхе-кхе.

Только теперь до Милы дошло, что ее крепко держат за подмышки, а воздух вибрирует от ритмичных хлопков, наводящих на мысли о взмахах могучих крыльев. Вроде тех, которые можно увидеть у чучела птеродактиля, посетив республиканский музей палеонтологии. Собственно, она и двигалась вверх плавными рывками, соответствующими этим хлопкам. Где-то над затылком время от времени раздавался клекот, очевидно, издаваемый клювом размером с чемодан. Мила зажмурилась еще крепче. Между лопаток потек пот, спину холодил ветер.

Это же птица Рух![23] – сообразила госпожа Кларчук. – Несет меня, чтобы скормить птенчикам величиной со страуса. Как синица какого-нибудь червячка.

Сказки «Тысячи и одной ночи» попались Миле в подростковом возрасте, и она изрядно продвинулась в чтении, прежде чем книгу заметил и отобрал отец, который, хоть уже давно не жил под одной крышей с дочерью, в редкие свои помещения зачем-то превращался в Цербера.

– Кто ей это дал?! – вопрошал отец, в возмущении поглядывая на тещу. Мама Милы умерла от пневмонии, когда Мила была совсем маленькой, с тех пор она жила с бабушкой, которая, как могла, заменяла мать. – Вы дали, Анна Матвеевна?!

– Так это же сказки, Сереженька? – не поняла бабушка, испуганно глядя из-под очков. – Разве это плохо?

– Сказки? Это сказки, по-вашему?! Ничего себе, сказки! Ничего себе… – отец спрятал трехтомник в дипломат, который принес с собой. – Есть сказки, которые сказки, а есть – совсем не сказки. Совсем уже…

Мила, прерванная на интереснейшем моменте совокупления прекрасной наложницы султана с четырьмя огнедышащими джинами, решила за лучшее промолчать.

---

[23] Гигантский орел или гриф, персонаж арабских сказок. Стал известен в Европе главным образом благодаря приключениям Синдбада, описанным в «Тысяче и одной ночи». Упоминается и другими средневековыми источниками, например, об огромных птицах, охотящихся на слонов, рассказывает великий итальянский путешественник Марко Поло

Итак, ветер бил Миле Сергеевне в лицо. Ее швыряло в воздушных ямах, как пассажира «кукурузника», отчего сердце проваливалось в пятки. Ей казалось, что она вот-вот упадет, и от удара разлетится на куски, словно фарфоровая статуэтка из коллекции. Но, вместо ожидаемого падения ее изрезанные острой стерней ступни внезапно нашли опору. Едва под ногами оказалась земля, или, по-крайней мере, нечто твердое и, похоже, незыблемое, Мила открыла глаза. Лучше бы она этого не делала.

Она обнаружила, что стоит на верхушке дымовой трубы, показавшейся высокой, как Эйфелева башня. От поверхности ее отделяла пропасть как минимум в несколько сотен метров. Где-то очень далеко на северо-западе искрилась на солнце Десна, напоминающая с высоты голубой шнурок, посыпанный блестками. Левее виднелись крыши новостроек Троещины. У Милы Сергеевны захватило дух, закружилась голова, и она едва не сорвалась вниз. Лететь бы ей к далекой земной поверхности, кувыркаясь, если бы не чьи-то крепкие руки, удержавшие ее за локоть. Это был невидимый спаситель, которого она с перепугу приняла за гигантскую прожорливую птицу из арабских сказок. Мила ахнула, узнав Сергея Михайловича.

– Сергей Михайлович?! – воскликнула Мила с облегчением, вспомнив, как он обещал, что будет неподалеку, и, если потребуется, подстрахует. Значит, как ни странно, полковник сдержал слово, на этот раз. – Так это были вы?! Ну, сла-

ва Богу!

Правда, полковник выглядел несколько необычно. Его поджарое тело (вскормленный на пиве живот-бурдюк исчез без следа) было покрыто кожистой чешуей с сильно развитыми мышцами летуна. Ноги вместо ступней заканчивались могучими когтистыми лапами, крепко цеплявшимися за кромку трубы. За спиной Сергея Михайловича подрагивали перепончатые крылья, как у летучей мыши, только значительно больше. Заметив ее округлившиеся глаза, Украинский их свернул, и теперь они торчали у него из-за спины, словно рукояти самурайских катан.[24] Мила решила, что пока он не собирается улетать. Это конечно обнадеживало.

– Здравия желаю, Мила Сергеевна, – заклекотал Украинский. На месте рта у него красовался мощный, массивный клюв. Слова летели оттуда, как из рупора. – Я же обещал, что подстрахуем, в случае чего. Если кто-то кое-где у нас порой, честно жить не хочет, кхе-кхе. Так что, не о чем беспокоиться, Милочка.

Мила с благодарностью посмотрела на полковника. Было так здорово – оказаться под надежной защитой. Из трубы вырывался могучий поток теплого воздуха и приятно согревал спину. Никакого смрада она не чувствовала.

«А еще говорят, что из труб теплоэлектростанций вся таблица Менделеева вылетает. С дымом. Врут, наверное,

[24] Катана – двуручный изогнутый японский меч длиной 95—120 см. Наряду с коротким мечом вакидзаси входил в комплект вооружения самурая

как всегда. Эти чертовые экологи».

Миле сделалось хорошо, и даже уютно. Чудовищная высота перестала пугать госпожу Кларчук, и она с интересом огляделась по сторонам. Любоваться было чем. Мила оценила колоссальных размеров цех, расположившийся у основания трубы. Оттуда доносился монотонный гул, издаваемый какими-то механизмами.

– Котлотурбинный цех, – пояснил ей Украинский. – Мне в подобном как-то аварию поручили расследовать. Ротор турбины лопнул, представляете? Осколки весом в несколько тонн разлетелись на многие километры. Комитет, естественно, привлекли к расследованию. Возникло подозрение в террористическом акте.

– Ну и как, оправдалось?

Сергей Михайлович хотел пожать плечами, но вместо этого хлопнул могучими крыльями. Теперь он напоминал Миле Сергеевне гусара польской крылатой кавалерии. В юности она ходила в кинотеатр на «Потоп».[25]

– Да нет, в общем-то. Факты хищений вскрылись… и, преступной халатности.

За котлотурбинным цехом высились громадины градирен. Над ними клубился пар, поднимаясь в бирюзовое небо. Поскольку труба, несмотря на гигантскую величину гради-

[25] Исторический фильм «Потоп» режиссера Ежи Гофмана, снят в 1974 по роману великого польского писателя Генриха Сенкевича (1846–1916), лауреата Нобелевской премии (1905)

рен, была значительно выше, Миле удалось разглядеть водяную гладь в разрывах между клубами пара.

– Там вода?

– Горячая вода, – подтвердил Украинский. – Хочешь, хоть в самый лютый мороз купайся. Как открытый бассейн с подогревом, вроде того, что работал на стадионе «Динамо». Главное, чтобы в насосы не затянуло. А то… такое дело, кхе-кхе.

– А бывает?

– Говорят, да, – признал Украинский неохотно. – Вообще-то, персонал в градирнях рыбу разводит.

– Рыбу? – Мила вытаращила глаза.

– А почему бы и нет? – полковник в возбуждении захлопал кожистыми крыльями. – Такие толстолобики плодятся, жирные, пальчики оближешь. – Он алчно щелкнул клювом, и Мила подумала, что при желании полковник в состоянии натворить этим своим клювом дел. Перекусить, например, руку. – Я вот сейчас слетаю, принесу вам пару рыбин. На пробу. С икрой. Вы только сумку мне отдайте.

– Сумку?

– Ну да, сумку. Сумочку, будьте добры. С деньгами.

Покосившись через плечо, Мила Сергеевна обнаружила сумку, наполненную на Подоле деньгами, которые она таки выбила из конвертальщика[26] Паши. *«Интересно, это та, ко-*

---

[26] На жаргоне финансовый посредник, занимающийся «конвертами», то есть незаконным переводом в наличность денежных средств с расчетного счета в банке

торую я в парадном спрятала, или все же „кукла“, предназначавшаяся Андрею?»

Ах, деньги… я и забыла, – протянула Мила. Как ни благодарна она была полковнику за чудесное исцеление, расставаться с сумкой было жаль. Особенно, если внутри находились не пачки старых газет, а отпечатанные ФРС[27] доллары. Такие хрустящие и желанные.

– Видите, какая вы рассеянная, – согласился полковник, нервно перебирая когтистыми пальцами. Точь-в-точь, как у курицы, только значительно больше и радикального черного цвета.

– Да, конечно, – согласилась Мила, и только теперь заметила вторую дымовую трубу. Вторая труба, словно зеркальное отображение первой, торчала в каких-нибудь двухстах шагах. Верхушку трубы венчало аккуратно сплетенное гнездо. Из гнезда высовывались разинутые клювы птенцов. Птенцы, судя по всему, ссорились, вырывая один у другого крупные куски мяса, показавшимися Миле фрагментами человеческого тела.

– О, Боже! – Мила прикрыла рот.

– Не стоит так болезненно реагировать, Милочка. А тем более, понимаете, расстраиваться. Он большего и не заслуживал.

---

[27] Федеральная резервная система США, то есть, фактически, североамериканский национальный банк. На удивление – принадлежит частным хозяевам. Последнее, правда, не афишируется. Подробнее – в книге Я.Зуева «В круге света»

– Кто?

– Как кто? Паша. Дружек ваш. По незаконной обналичке специалист.

Мила отвела глаза.

– Вы же сами говорили, Милочка, будто он мухлевал, кхе-кхе?

– Такого я ему все равно не желала, – пролепетала она, борясь с подступающей дурнотой.

– Такова его судьба, – отрезал полковник. – Надоело с махинаторами цацкаться. Сумку давайте!

– А кто это? – спросила Мила, разглядев совсем далеко, над вышгородскими лесами, пару угрожающего вида птиц. Птицы волокли в когтях нечто весьма тяжелое, то ли бычка, то ли крупного человека.

– Ах, это… – Сергей Михайлович отмахнулся, – это наши ребята. Оперативники. Второго подельника вашего задержали. Этого, как его? Протасова. Да черт с ним, с быком тупоголовым. Не берите в голову. Вы сумочку-то давайте.

– Спустите меня, пожалуйста, на землю, Сергей Михайлович.

– Сначала сумка – потом земля, Мила Сергеевна. И давайте-ка без торга. Тут вам не базар, дорогуша! – внезапно посуровел Сергей Михайлович и, дав понять собеседнице, что шутки закончились, яростно щелкнул клювом прямо у нее под носом.

Цепенея под алчным взглядом похожих на стекляшки глаз

полковника (недаром сотрудники силовых структур так падки на словечки типа «сокол» или «беркут»), Мила Сергеевна протянула сумку. Украинский поймал ее с ловкостью совы, хватающей обреченную мышь. В следующую секунду могучие крылья расправились, сделали мах, полковник отделился от трубы.

– А я?! – взвизгнула Мила. – Как же я?!

– Вы? – Украинский, вероятно, хотел пожать плечами, по привычке. При этом его крылья сложились. Чтобы не полететь вниз камнем, ему пришлось сделать несколько яростных взмахов, прежде чем он поймал поток восходящего воздуха, и воспарил.

– Вы, дорогуша, меня больше не интересуете. Отработанный, так сказать, материал.

– А как же наш договор, Сергей Михайлович, вы же мне двадцать пять процентов обещали?!

– Вы что-то путаете, кхе-кхе. Я с аферистами не договариваюсь.

– Хорошо! – в отчаянии она протянула к нему дрожащие руки. – Я поняла. Не надо мне никаких процентов, Сергей Михайлович! Только не бросайте меня, пожалуйста, я вам еще пригожусь!

– Пригодитесь? – заклекотал Украинский. – Да на кой черт, спрашивается, вы мне сдались? – он окинул презрительным взглядом ее беззащитное, худенькое тело. Только сейчас Мила сообразила, что обнажена. – Мяса в вас – кот

наплакал, честно вам говорю. Яйца снести – и того не сможете. Вы, дамочка, балласт.

– Умоляю! Не бросайте меня здесь! – повторяла она снова и снова, теперь сквозь слезы.

– Да я и не бросаю, – сообщил полковник. Мила решила – сжалился.

– Правда, Сергей Михайлович?

– Передаю, с рук на руки, Милочка, другим нашим сотрудникам. Скоро они за вами прибудут. Недолго терпеть.

– Какие сотрудники? – пролепетала Мила.

– Товарищи Витряков с Филимоновым.

– Они ваши сотрудники?! – взвизгнула она.

– Так точно, дамочка. Только внештатные.

– Они же бандиты! – закричала она.

– Ну, знаете, я бы не стал, на вашем месте, развешивать ярлыки, дамочка, – осуждающе проговорил Украинский. – Вину обвиняемого определяет суд, верно? Он же назначает наказание. Сейчас, понимаете, не 37-й год, кхе-кхе, к сожалению…

– Не отдавайте меня им! – завыла Мила. – Я буду хорошей!

– Ничего не попишешь. Такой приказ.

– Я буду жаловаться Артему Павловичу!

– Ну, сама напросилась! – заклекотал Украинский и толкнул ее правым крылом. Потеряв равновесие, Мила, пронзительно визжа, полетела в закопченную дочерна пропасть ды-

мохода.

– Мама! Мамочка! – кричала Мила, выпученными от ужаса глазами наблюдая стремительно удаляющийся круг ярко-голубого неба вверху.

– Мамочка…

* * *

Она обнаружила себя на глинобитном полу, среди опилок, в грязном чулане, куда ее бросили накануне вечером, со связанными за спиной руками. Где-то неподалеку брехали собаки, эти ночные часовые, готовясь передать вахту петухам. За крошечным окошком, раза в два меньше форточки, неуверенно брезжил рассвет. Наступал новый день, обещавший быть еще хуже ночного кошмара. Замерзшая и перепуганная, она была на грани прострации. Часть сознания лихорадочно искала пути спасения, но находила одни тупики, часть готова была истерически смеяться, представляя перекошенную физиономию бомжа, обнаружившего набитую банкнотами сумку, часть хотела одного – смерти. Безболезненной и гуманной, во сне. Спустя полчаса Мила забылась. Ей удалось проспать еще с полчаса. Пока не пришел Витряков.

* * *

раннее утро, суббота, 12 марта

Леонид тоже не выглядел посвежевшим. Видимо, остаток ночи пропил. С ним пришли запахи перегара и бензина. Если с перегаром все было ясно, то запах бензина Миле чрезвычайно не понравился. Он ее напугал.

– Принюхиваешься? – от Лени не ускользнул ужас в ее глазах. Есть люди, которые буквально питаются чужими страхами. Витряков был из их числа. – Давай, давай. Пока есть чем.

Мила инстинктивно подалась назад. Но, сзади была стена.

– Живо колись, коза, где камни? – добавил Витряков, ухмыляясь. – Сразу предупреждаю, попробуешь сбрехать – я тебе такое устрою, зенки повытекают.

Мила сообразила, что речь о бриллиантах Виктора Ледового, давно присвоенных Артемом Поришайло.

– Они давно не у меня, Леня, – заспешила она. – Их у меня и не было никогда. Они…

Витряков не дал ей окончить фразу. Не размахиваясь, залепил пощечину. Мила ударилась затылком в стену. Из глаз посыпались искры.

– Раз бы тебе навалять, цыпа. От души. Но, у меня другой план. Сейчас будем в Космодемьянскую играть. Ты, значит,

будешь Зоя…

Появился Филимонов, по-приятельски подмигнул госпоже Кларчук, поставил рядом закопченный стальной прибор, в котором она с ужасом узнала видавшую виды паяльную лампу. Опустившись на четвереньки, Шрам принялся работать поршнем, нагнетая давление в камере с топливом. Теперь запах бензина наполнил чулан, заставив все прочие отступить.

– Мы тебя сейчас опять жарить будем, – сообщил Филя между делом. – Только теперь в натуре. Леня, спички подай.

Пары бензина, охнув, воспламенились. Шрам отдернул руку.

– Ух, б-дь. Печет.

Лампа чадила и плевалась бензином. Глядя на нее, Мила, каким-то уголком сознания, вспомнила студенческие походы, и тертый жизнью примус «Шмель», непременный атрибут тех беззаботных времен. Уху из котелка и кувшинки на поверхности пруда.

– Сейчас прогреем сопло, и пошла жара, – сообщил жертве Филимонов. Он упивался ситуацией. Это читалось без труда. Мозг госпожи Кларчук лихорадочно заработал. С такой быстротой, что рисковал сорваться в пропасть безумия с узкой колеи, проложенной над бездной.

– Леня! – выпалила она, ожидая, что палачи вот-вот начнут. – Леня! Я действительно не знаю, где камни. Я тут ни при чем. Зато… зато у меня есть деньги. В Киеве. Они спря-

таны…

Теперь пламя стабилизировалось. Никаких минипротуберанцев, а только деловое шипение. Как от конфорки.

– Иди ты? – осклабился Витряков. – И много?

– Много, Ленечка. Они спрятаны…

– Почему раньше не сказала? – удивился Шрам.

– А когда? – взвизгнула она, потому что Витряков вооружился лампой.

– Точно, – согласился Филя. – У нее ж рот был занят.

– Они на Подоле, – тараторила Мила. – В доме на улице Братской. А камни… У меня их правда нет. Но, я знаю, кто их присвоил. Артем Павлович Поришайло… есть такой серьезный человек в Киеве…

– Как ты сказала?! – Витряков в изумлении опустил лампу. – А ну, повтори!

– Артем Павлович Поришайло.

– Откуда ты его, б-дь, на х… знаешь этого козла? – треснувшим голосом спросил Леня, перед глазами которого пронесся врезающийся в сосну «Форд Эксплорер». В салоне джипа визжал тяжело раненый Помидор, а пули играя, пробивали обшивку. – Откуда ты знаешь старого обдолбанного пидера?!

– Я многое о нем знаю! – она почувствовала перемену, случившуюся в нем, и собиралась этим воспользоваться. – Если ты хочешь до него добраться, я знаю, как это сделать!

Витряков остановился в нерешительности. Он не ожидал

ничего подобного.

– И еще! – выпалила Мила Сергеевна. – Жизнь Вацлава в опасности!

– Чего? Чего ты болтаешь, коза?!

– Жизнь Бонифацкого в опасности! Поришайло его заказал! Со дня на день в Крым прибудет киллер.

– Ты гонишь, сучка? – не поверил Витряков. – На кой сдался Вацик этому старому педерасту?

– Дай я хоть разик по ней пройдусь, – предложил Филя, забирая у Витрякова лампу. – Один раз, б-дь?

– Усохни, урод! – рявкнул Леонид. И выжидающе посмотрел на Милу. – Ну, так?

– Потому, что вы его достали в Пионерске! – выпалила Мила.

– Ты и про Пионерск знаешь?! – Витряков ушам не верил. Филимонов стоял рядом, невозмутимый, как олигофрен.

Стараясь не смотреть на синее пламя горелки, Мила Сергеевна выложила такие подробности гангстерской войны за Пионерский металлургический комбинат, что у Витрякова после десяти предложений, в конце концов, отвалилась челюсть.

– Твою мать, – протянул Витряков, и Мила поняла, что выиграла хоть какое-то время.

– Дай я… – начал Шрам, разочарованный, как ребенок, у которого забирают игрушку.

– Туши лампу и иди, звони Бонику, дебил.

* * *

Тот же день, ближе к обеду

– Здравствуй, – сказал Боник. Мила подумала, что со времени их последней встречи летом он постарел лет на пять. Седина с висков разбрелась по всей голове, а синяки под глазами говорили о том, что почки ни у кого не железные. Даже у пробивающихся в ряды олигархов бывших комсомольских вожаков. А, может, у последних – в первую очередь, учитывая тяжелые испытания молодости. Впрочем, и Мила не выглядела теперь принцессой. Правда, перед тем как везти к Бонифацкому, Витряков позволил ей принять душ, а потом подобрал кое какую одежду.

– Здравствуй, Вацлав, – она встретила его слегка насмешливый взгляд своим, настороженным.

– Жаль, что все так вышло… – Бонифацкий покачал головой, изображая сочувствие и досаду.

«Я так не думаю, – решила Мила, вспомнив их прошлую встречу у моря. – *Ты помнишь, как все начиналось…»*

– Мне тоже жалко, Вацлав.

– Как ты?

– Ничего. Уже ничего, спасибо.

Бонифацкий покачал головой. Как будто не знал, что его подручные сделали с ней. На что они вообще способны…

– Леонид рассказал, в двух словах, что… – он замялся, подыскивая слова, – что у тебя ко мне дело. Это так?

«Дело, – подумала Мила, вспомнив о паяльной лампе Витрякова, с которой разминулась только чудом. – *Дело…»* – Она перевела дух, чувствуя себя сапером на минном поле. *«Не ошибись,* – сказала себе госпожа Кларчук. – *Одна ошибка, и ты вернешься в чулан, к Филимонову, у которого отобрали игрушку. Одна только ошибка…»* Боник уже отдавал ее в руки палачам. Значит, мог повторить это снова.

– Это так, Вацлав. Тебя собираются убить.

– Вот как? – Бонифацкий откинулся в кресле. – Кто же?

– Артем Павлович Поришайло.

Бонифацкий криво улыбнулся:

– Откуда такая осведомленность, Мила?

– Я – доверенное лицо Артема Павловича. Так что моя информация – из первых рук.

Боник промолчал. Мила решила продолжить:

– Ты не хуже меня знаешь, что физическое устранение конкурента – обыкновенный бизнес-ход. Ничего личного.

– В тебе чувствуется комсомольская закалка, – Боник хмыкнул. – И что же? Ты должна была меня отравить? Бриллиантовой стружкой?

– Твои бриллианты попали к Артему Павловичу, – сказала Мила, раз уж Бонифацкий о них вспомнил. – Я действительно получила летом задание изъять у тебя камни, но, меня опередили. Некий Андрей Бандура.

– Неужели? – не поверил Боник.

– Именно так, – подтвердила Мила. – Тогда он работал на Ледового. Но, когда вернулся домой с камнями, Виктор Иванович уже лежал в городском морге.

– Я слышал, его застрелила жена?

– Так сообщали газеты. С каких пор ты им веришь?

– Да никогда не верил, – признался Боник. – Продолжай.

– Ледового убили по приказу Поришайло.

– А Правилов? Он у Ледового секьюрити заправлял?

– Правилов его сдал.

– Значит, Правилов и племянницу сдал? – Бонифацкий приподнял брови.

– У него не было выбора. А Анна так или иначе была обречена. Правилов теперь до председателя правления банка дорос. Правда, поговаривают, что генерал он свадебный.

– Уж не «Бастиона» ли? – оживился Бонифацкий. – Который еще неограниченным кредитом называют?

– Именно его.

– Значит, – подвел итоги Вацлав Збигневович, – Поришайло опрокинул партнеров Ледового, которые оплатили бриллианты? Они ведь остались с носом?

Мила кивнула.

– И ему это сошло с рук?

– А какие к нему претензии? Все замкнулось на Ледовом, который лежал в гробу.

– Ловко, – протянул Боник. – Интересно, а доказатель-

ства причастности товарища Поришайло к убийству Ледового есть?

– Думаю, да, – после колебания, сказала Мила.

– Веские?

– Более чем.

– А конкретнее можно? А то у меня такое впечатление, что из тебя информацию клещами вытаскивать надо.

– Записи телефонных разговоров Поришайло и Правилова. Возможно, видеокассета, отснятая скрытой камерой на даче.

Боник присвистнул.

– Ого! Чья работа?

– Записи сделал Правилов. Для подстраховки. В служебном кабинете, в машине, и на даче.

– Откуда у тебя эта информация?

– От его секретаря. Она стоила денег.

– Верю. – Бонифацкий поглядел на Милу с восхищением. – И их можно достать? Вещдоки?

– Не за дешево… – предупредила Мила.

– Бриллианты у Ледового кавказцы покупали? – уточнил Боник. Госпожа Кларчук сделала утвердительный знак.

– Они наверняка здорово огорчатся, когда узнают, что их облапошили? – продолжил мысль Бонифацкий.

– Не то слово, – сказала Мила Сергеевна. – У Артема Павловича земля под ногами загорится.

Некоторое время оба молчали. Боник размышлял. Мила

ему не мешала. Пока молчание не затянулось. Тогда она добавила:

– Но, для этого ты сначала должен выжить.

– Хотелось бы, – Боник попытался изобразить улыбку. Вышло с большим трудом. Настало время вернуться к началу разговора, она была права. – Ты говоришь, что Поришайло меня заказал? – Говоря о своей смерти, Боник испытал какое-то странное чувство, которому он не сумел подобрать названия. Ощущения стороннего наблюдателя, которому, правда, очень жаль. – Каким образом это должно произойти?

– На днях в Ялту прибудет киллер.

– Один?

Мила кивнула.

– Сообщники в Крыму есть?

– Да. Двое. Офицеры милиции.

Вацлав Збигневович рывком встал из кресла и, заложив руки за спину, подошел к окну. Оно было панорамным, с видом на горы, поднимающиеся над Ялтой стеной.

– Хорошенькие дела ты рассказываешь, – сказал он еле слышно. Мила сообразила, что его пробрало.

– Почему я должен тебе верить? – спросил Бонифацкий после долгой паузы.

– Потому, что если тебя убьют, я снова попаду в лапы Витрякова, – проговорила Мила холодно. – Как тебе такая причина?

– Ты можешь попасть в них и без этого, – сообщил Боник глухо.

– Но, если тебя не станет, это случится наверняка.

Боник, в конце концов, кивнул.

– Хорошо, допустим, я тебе верю. – Он вернулся в кресло. – Кого посылает Поришайло, знаешь?

– Андрея Бандуру.

– Опять? – удивился Боник. – Почему снова его?

– Потому, что он хорош, – сказала Мила. – Кроме того, Артем Павлович держит Бандуру за жабры.

– Шантаж?

– Что-то вроде того. Поверь, Вацлав, парень будет землю рыть, пока до тебя не доберется.

Боник поежился:

– Точная дата прибытия?

– Неизвестна.

– Ты сможешь выяснить?

– Я попробую.

– Да, ты уж постарайся… – это снова была угроза. Слабо завуалированная. – Кто эти двое, из милиции?

– Люди Украинского, – сказала Мила. – Насколько мне известно, должны встретить Бандуру в аэропорту. Снабдить оружием. Подозреваю, им же поручено убрать его, когда… – она посмотрела на Вацика. Он все понял.

– Надеюсь, этого не случится.

– Я тоже, – он нервно улыбнулся. – Фамилии милицио-

ров?

– Вардюк и Любчик.

– Ты их знаешь? – спросил Бонифацкий.

– Понаслышке, – вздохнула Мила, решив не распространяться.

– Сиди тут.

Он куда-то вышел. Она дожидалась с полчаса. Когда Боник вернулся, то выглядел довольно бодро, и даже потирал руки.

– Ладно, – сказал он. – Думаю, мы с тобой поработаем. А пока… – он улыбнулся, – я еще не завтракал. Может, составишь мне компанию? А после поговорим?

– Я меня сутки маковой росинки во рту не было, – без обиняков призналась госпожа Кларчук. – Твои подручные, правда… – начала она, и осеклась.

– Что? – насторожился Бонифацкий.

«Ты знаешь, что», – подумала Мила с ненавистью, но промолчала.

– Ничего, не обращай внимания.

Бонифацкий воздел руки к потолку, давая понять, что вот, мол, с кем приходится работать. Ладони были холеными, Мила ему не поверила. Тем временем Боник надавил вмонтированную под столешницей кнопку. Практически сразу в кабинет заглянула секретарша. Бонифацкий, поманив ее пальцем, обернулся к Миле Сергеевне:

– Кофе будешь? Со сливками?

– С удовольствием.

– Очень хорошо. Как ты к сладкому?

– Я бы предпочла ветчину.

– Идет, – согласился Бонифацкий, щелкнув пальцами: – Нам по паре яиц всмятку, и бутерброды с ветчиной и икрой. Только давай в темпе, не затягивай.

Девушка исчезла так же молча, как появилась. Боник вернулся к собеседнице. – Ну вот, сейчас все принесут. А пока, – он потер ладони, – ты мне расскажешь, что тебе известно о Поришайло.

– Что ты хочешь узнать?

– Все, – коротко ответил Бонифацкий. – От структуры банка до количества ступенек в холле. От номеров его кодированных счетов до того, в трусах или без трусов он привык спать. И с кем. О его бизнесе в целом. Об активах и пассивах. О дебиторах и кредиторах. О предприятиях, которыми он владеет через подставных лиц. О схемах отмывания денег и связях в долбанном правительстве.

– У тебя хороший аппетит…

– Разве это говно стоит жизни? – осведомился Бонифацкий. – Кстати, мэр Пионерска меня тоже интересует. Он мне, как кость в горле, этот засранец Леня Максипихин. – Боник сверкнул глазами.

«Вот это уже без фальши», – думала Мила, благоразумно опустив глаза.

– Ты, я надеюсь, понимаешь, – добавил Боник, без тени

улыбки, – что, если морочишь мне голову, то…

– Понимаю, – сухо сказала Мила.

* * *

После завтрака Боник снова вызвал секретаря и приказал подобрать Миле Сергеевне одежду:

– Хороший спортивный костюм подойдет. Ну и, белье, как я понимаю.

– Спасибо, – просто сказала Мила.

– Позже мы тебя приоденем, – пообещал Боник. – Это так, на первое время. Потом я распоряжусь, чтобы подвезли. Хотя, – он отодвинул тарелку, – обстановка там спартанская, так что, в вечернем платье не погуляешь.

– Где там?

– Ты задаешь много вопросов, – Боник погрозил ей пальцем. – Впрочем, на этот я отвечу. Мы перебираемся на новое место. Ты не беспокойся, места там живописные. Все удобства, и море – рукой подать.

– Хорошо, – сказала Мила Сергеевна. Глупо было разыгрывать энтузиазм. С другой стороны, принимая в расчет то, с чего она начала утро, к обеду грех было на что-нибудь жаловаться. Она неплохо устроилась. – Как скажешь, Вацлав.

– Вот и чудненько. – Он хлопнул в ладоши, в третий раз, вызывая секретаря.

Глава 5
КЕМПИНГ «КАМЕНЬ ШАЛЯПИНА»

Через час они покинули особняк в ярко красном «БМВ» Бонифацкого. Ехать пришлось втроем.

Едва Мила и Бонифацкий устроились в салоне, отделанном бурой кожей, как в гараже появился Филимонов. Прошелся вдоль машины вразвалочку и нырнул на заднее сидение. Обернувшись, Мила увидела десантный вариант автомата Калашникова со складывающимся прикладом. Резервная обойма была прикреплена к вставленному в автомат магазину при помощи скоча. Мила подумала, что это та самая лента, которой ей вязали руки и ноги. И вздрогнула. Филя положил оружие на колени.

– Теперь порядок. Поехали.

Мила украдкой покосилась на Боника, но его лицо осталось непроницаемым. Как хорошая ширма в раздевалке.

«Кто здесь парадом командует?» – спросила у себя Мила. От ответов веяло холодком. Она закусила губу.

Как только они выехали на улицу, стоявший у ворот «Опель Фронтера» пристроился сзади. Сначала Мила предположила, что они спускаются в центр Ялты, но, чуть позже сообразила, что ошиблась.

– Мы едем за город?

– Много чирикаешь, пташка, – предупредил Шрам. Боник пропустил это замечание мимо ушей.

Вскоре они очутились на трассе, соединяющей Ялту с Алуштой. Когда мимо промелькнул белый дорожный щит с надписью Ялта, перечеркнутой жирной красной чертой, Мила Сергеевна, скосив глаза, посмотрела на указатель километража и запомнила эту цифру. Солнце стояло в зените и припекало, день обещал быть не по-мартовски жарким. Слева над автострадой, защищенной от оползней и камнепадов высоким бетонным бордюром, нависала каменистая Ялтинская Яйла. Отвесные бело-серые стены горного кряжа уходили в самое небо, но сегодня явно не дотягивались до него. Бирюзовый купол поднимался на неизмеримо большую высоту. Такую, в сравнении с которой нагромождения величественных скал казались не более чем ступенькой лестницы у подножия телебашни. Справа автостраду окаймляли верхушки вечнозеленых крымских растений. Сами деревья росли значительно ниже уровнем. Местность круто спускалась к морю.

– Мы что, в Никитский ботанический сад едем? – отважилась спросить госпожа Кларчук. Боник даже не повернул головы. Зато среагировал Филимонов:

– Я же предупреждал, ты дохрена варнякаешь…

– Извини, – пролепетала Мила. Вацлав Збигневович притворился глухим. Вскоре кавалькада снизила скорость. Бо-

нифацкий включил правый «поворотник». Машины свернули в узкую асфальтированную дорогу, идущую под большим уклоном. Мила снова исподтишка посмотрела на спидометр. Теперь она знала, на каком километре трассы находится поворот. Немного, но, в ее теперешнем положении не следовало пренебрегать ни одной соломинкой.

Еще Мила заметила запрещающий проезд знак, обожаемый отечественными гаишниками. Немного дальше торчал прямоугольный фанерный плакат, жирными печатными буквами сообщавший:

Внимание! Запретная зона! Въезд и проход запрещены! Остановка, разбивка палаток, разведение костров не допускаются!!! За нарушение штраф!

Поверх плаката какой-то шутник дорисовал фаллос с мошонкой. Мила подумала, что при переложении с языка иероглифов изображение стилизованного фаллоса очень удачно символизирует то, что получили трудящиеся вместо «общенародной здравницы» у моря в результате так называемых демократических реформ. Пока госпожа Кларчук размышляла над этим, Бонифацкий спокойно въехал под «кирпич», и они очутились в можжевеловой роще.

За первым же поворотом наступила расплата. Мила подобралась, заметив впереди патрульную милицейскую «шестерку» с красно-синими проблесковыми маячками на крыше и эмблемами ГАИ на багажнике и передних дверцах. Два

хмурых гаишника в белых портупеях обернулись на звук моторов. Один из них, розовощекий верзила, поднял черно-белую палку, а потом махнул по направлению к обочине. Филя клацнул предохранителем, с лязгом передернул затвор:

– Менты поганые…

– Спрячь автомат, Шрам, – приказал Бонифацкий. – Ты в своем уме?!

Резко подавшись вперед, к Миле, Филимонов задышал ей в ухо мятой жевательной резинки, с которой не расставался всю поездку.

– Кишки выпущу, сука! Только пикни!

– Я не сумасшедшая, – сдавленным голосом сказала Мила.

– Смотри, коза, не оступись.

Патрульный поравнялся с «БМВ», демонстрируя такой живот, против которого пасует и офицерская портупея. Дождавшись, чтобы Филя накрыл автомат курткой, Боник опустил стекло.

– Здравия желаю. Знак видели? – долетело через окно. Патрульный говорил раскатистым басом. Он даже не сделал попытки нагнуться, отчего Мила Сергеевна легко представила, что голос доносится с небес. Чтобы унять нервную дрожь, она сцепила пальчики замком. Искушение позвать на помощь, истошно завопив что-нибудь, вроде: «Спасите! Меня похитили!», было велико, но она знала: Филимонов не испугается, и не сплохует.

«И это точно будет конец. По мне-то он наверняка не про-

мажет».

Боник протянул через окно документы. Едва скользнув по ним взглядом, милиционер попросил Бонифацкого выйти из машины.

– Я сейчас, – бодро сказал Боник. Они вдвоем зашагали к милицейской машине, со спины напоминая папу и сына.

– Ну, б-дь и амбал, – протянул Филимонов, снова вооружившись автоматом. Тем временем Бонифацкого, очевидно, пригласили в машину. Он влез на заднее сидение. Патрульный еле втиснулся на переднее. Его напарник, со скучающим видом, остался снаружи, поглядывая по сторонам. Все происходило в соответствии с ритуалом, установленным автоинспекцией, вероятно, для того, чтобы придать мздоимству некое абстрактное подобие правосудия. Ох, уж эти задние сидения милицейских машин, продуктивные, как наковальни монетного двора.

– Одной, б-дь, очередью всех положу, – пробормотал Филимонов. Мила взвешивала в уме, есть ли шанс добежать до зарослей, прежде чем Шрам спустит курок. Шансы были минимальными. Значит, оставалось просто ждать.

Боник вернулся через пять минут. По его губам блуждала улыбка.

– Вот засранцы! – выжимая сцепление, он заговорщически подмигнул Миле. – На нашем знаке кормятся. Представляешь нахальство?

Мила ответила недоумевающим взглядом.

– Этот «кирпич» мои ребята повесили. Чтобы туристы на голову не лезли. А эти паршивцы, – он показал за спину большим пальцем, – пронюхали, и наладились капусту косить! Каково, а?! Трахнули меня под моим же знаком…

– Депутатские ксивы надо сделать, – буркнул с заднего сидения Шрам.

– Надо, – согласился Бонифацкий.

* * *

Местность сгодилась бы, чтобы устроить американские горки. Сначала машины скатились в лощину, где было сумрачно, и журчала вода, хоть родники и редкость на Южном берегу, потом снова начался подъем. Дорога перевалила заросший можжевельником гребень и совершенно неожиданно оборвалась таким крутым спуском к морю, что у Милы перехватило дыхание, а желудок стал невесомым. За капотом было видно одно небо, словно земля закончилась, и машина готова провалиться в пропасть.

– Бесплатный аттракцион, – добродушно сказал Бонифацкий. – Надо будет кассира поставить и билеты продавать. А то, знаешь, от альтруизма до геноцида… полшага.

Постепенно уклон стал поменьше, потом начался практически горизонтальный отрезок, и дорога уперлась в массивные стальные ворота. В обе стороны, сколько хватало глаз, тянулся бетонный забор, увитый сверху колючкой. Прикру-

ченная к воротам табличка гласила:

База отдыха «Камень Шаляпина» Второй Механизированной колонны Треста Крымоблэнергомонтаж.

Справа от ворот высился плакат, брат близнец установленного в начале дороги:

Внимание… зона… Запрещены… Штраф…

Только уже без фаллоса.

Бонифацкий посигналил. Из-за ворот появился охранник. Узнал «БМВ» Бонифацкого, толкнул тяжелые створки. Машины въехали на территорию базы.

* * *

Услышав из динамика:

– Вардюк слушает… – Мила облегченно вздохнула. Номер телефона был старым, полученным от Украинского еще прошлым летом. Вардюк вполне мог поменять номер или просто потерять телефон. Но, он этого не сделал, и теперь шумно дышал в трубку:

– Алло? Кто это говорит?

Звонить Поришайло было глупо. Украинский почти наверняка уже хватился Милы и поставил хозяина в известность. Провести старого аппаратного лиса вроде Артема Павловича, нечего было и думать. Поришайло нутром чуял подвох. Мила об этом знала.

С Сергеем Михайловичем было не легче. Он, был, без-

условно, гораздо проще шефа, но тоже не лыком шит. *«Для них в отношении меня, теперь будет действовать только одно правило: хороший индеец – мертвый индеец».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.